

Василий Фомин

Легенда о царице

Часть пятая. Царство мертвых

Василий Фомин

**Легенда о царице. Часть
пятая. Царство мертвых**

«Издательские решения»

Фомин В.

Легенда о царице. Часть пятая. Царство мертвых / В. Фомин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833108-4

Сам не понимая каким чудом, но Вестник остается жив после бойни, устроенной царицей Нейтикерт в подземном дворце. Но чудесное спасение совсем не радует его, ибо потеряно самое главное — потеряна великая любовь царицы. Вестник решает отправиться в Дуат — Царство Мертвых — на поиски своей любимой, только вот он не знает, в каком облике существует в загробном мире его возлюбленная... Случай вскоре представился.

ISBN 978-5-44-833108-4

© Фомин В.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Пьянство в знак протеста	6
Глава вторая. Египетская кобра	16
Глава третья. Захоронение Вестника	27
Глава четвертая. Шаг в бесконечность	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Легенда о царице
Часть пятая. Царство мертвых
Василий Фомин

© Василий Фомин, 2016

ISBN 978-5-4483-3108-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Пьянство в знак протеста

Что за темнота, поток, крутящий темный и холодный чьи-то пасти кто я, что я, где Я. И, где огонь, где пылающие стены и где этот прекрасный ангел смерти, расхаживающий среди языков пламени.

Но это все было когда-то давно и было, наверное, не со мной. А сейчас что-то синее над головой раскинувшееся от края и до края. И это все было и тоже давно. И тогда оно называлось небо. Но есть и отличие от того времени уже дальнего. Земля под ним движется и почему-то рывками. Мир прокручивался под ним тяжело и с натугой, всхлипывая и постанывая. Вот где-то далеко какой-то голос произносит чье-то имя, может быть его, но он опять забыл свое имя.

Наконец он попытался шевельнуться, впрочем, он сделал бы это и раньше, просто не знал как.

Приподнял голову и встретился взглядом с чудовищным монстром. Громадные желтые глаза смотрели безразлично, как сама вечность, огромная пасть с рядами неровных и громадных зубов надвигалась. Пасть двигалась как-то толчками. Подползала к самым его ногам, а затем мир под ним прокручивался, и монстр отъезжал назад. Потом все повторялось заново.

– Е-е-е-е. – вдруг разревелись в голос мир.

Он приподнялся на локтях и увидел перед собой громадного крокодила. Чудище, медленно переставляя лапы, приближалось.

Обернулся назад. Сзади сидела на песке маленькая черноволосая женщина и ревела как белуга. Это она крутила под ним планету пытаясь уволочь от водного чудовища. За калазирис, как раз между грудей, у неё был заткнут бумеранг. Надо ли пояснять что тот самый?

– Здравствуй Хеприура, здравствуй душа моя.

– Ве-е-е... – надрывалась египтянка, глядя на подползающего крокодила.

Титан мира крокодилов подполз к самым его ногам и застыл.

– Как ты здесь оказалась, душа моя?

– Я...я...я па... пи-пи-и-и-и... – последовало длинное и жалобное подвывание.

– Пи-пи здесь-то причем?

– Папи-и-рус собирала и...и...и... кра... кру... коди-и-и-ил... е-е-е-е...

– Ну, вот, обстановка прояснилась, что ж идем в твои хоромы.

Египтянка, продолжая подвывать и икая, тыкала пальцем в рептилию.

– Скажи мне честно, Хеприура, мы с тобой встречались раньше? Мне все это не пришло? Может я был в горячке и все это сам себе набредил? Но там были такие ужасы, что сам вряд ли я бы придумал. Там были огонь, вода, чудовища и люди... еще страшней чудовищ.

Но Хеприура все тряслась, глядя на крокодила. Видимо чувствовала себя неудобно в его обществе. Пришлось взвалить ее на плечо и отнести дальше от уреза воды.

Однако за всю дорогу к дому от Хеприуры добиться чего-нибудь более вразумительного, чем шмыганье носом и всхлипывание, не удалось.

Во дворе же его ожидал следующий сюрприз в виде кузнеца Энеджеба и онагра Харона.

– Так-так. Разве вы знакомы?

– Конечно. – ответил Энеджеб и указав на онагра пояснил. – Вот он вчера нас познакомил.

– Тем лучше, значит здесь все свои. Теперь, друг мой, Энеджеб, и, моя подруга Хеприура, ответьте мне на важный вопрос, а то я такое видел, что имею основания опасаться за рассудок. Так вот вопрос – что случилось с царицей Нейтикер? –

– Ну, друг, не знаю, что ты там увидел, а у нас твориться Бес знает что. С утра сегодня над Домом души Птаха клубился чёрный дым и повалил он прямо из земли. Царица, как говорят, исчезла и не одна, а со всей коллегией вельмож и ходят слухи, что она их утопила и сожгла.

Хотя не понимаю, как такое может быть, должно быть что-нибудь одно: сожгла – так пусть сожгла, а утопила – значит, утопила, а все вместе быть не может.

– Поверь мне, друг, может и такое, ещё и не такое может быть. Значит все это, правда.

– Ну, мне без разницы и так – хорошо, и эдак – не жалко! Теперь начнется заварушка, как ты и обещал, отовсюду стягиваются войска. Небсебек, что ты намерен делать?

– Я? Я намерен, согласно обычаю своей страны, можно сказать обычаю святому, намерен здорово напиться для начала, можно сказать, что я просто обязан это сделать, а там посмотрим.

– Ну что ж это и мне подходит в стране бардак, работы нет, а мне как раз должны за работу и, как я понимаю, должны теперь надолго, так пойдем и долг вернем хоть пивом, вот, кстати, у меня и рыба есть, по твоему рецепту к пиву.

Египтянин помахал в воздухе огромной лещеподобной рыбиной. Если кто забыл, то название сей рыбы – цитарина, берет неплохо на навозного червя, ну и на опарыша тоже...

Хеприура сделала слабую попытку удержать мужчин.

– Какое пиво, гляньте – что на улицах твориться.

– А что с нас, двух долбо..ов взять, кроме как в рыло, кому охота запросто так получить по морде, ну для солидности возьмем вот по дубине, для угощения жаждущих.

Эх, мать вашу, гулянье удалось на славу!

Вначале, правда, пили, молча и Энеджеб вздыхал, глядя на своего друга и желая его утешить, но, не зная как поэтому кроме – «Да-а-а», а так же «Вот ведь оно как...», чего-то в голову ему ничто более не приходило.

Один раз, правда, он вдруг начал: «Послушай, друг, а вот что царица... " но, глянув на вестника, смолчал. Вестник же, взглянув на небо, и так застывши, неизвестно для чего сказал:

– А звезды те же, друг мой, и там ничто не изменилось, и там они такие, и здесь такие, и она ушла во тьму навеки, а все по прежнему на небе, без всяких изменений. И так же будет после нас с тобою. И на душе от этого такое, что хочется самому немного удавиться. Или кого-нибудь слегка убить.

– Ну, ну ты сказал уж. – махнул рукой и не согласился Энеджеб. – Чего давиться —то?

Потом, пошло немного дело веселее, когда подсело несколько знакомых и стало все общество обсуждать политическое положение.

Оно все осуждалось, обсуждалось – вельможи живоглоты, отсутствие работы, засилье черножопых, разрушенные дамбы и грядущий голод. Ну и вопрос египетский извечный – а что ж, блин, дальше делать? Тут протиснулась какая-то поддавшая изрядно древнеегипетская морда и, попытавшись собрать глаза в кучу, и не собрав, сказала:

– Эй, Говорящий молча, а ты чего молчишь, ты тут ведь самый, что ни наесть, б...ь, умный, твои частушки вон весь город распевает, а ну-ка посоветуй по быстрее нам чего-нибудь эдакого такого. Ну, в смысле умного чего-нибудь такого! Должно же что-нибудь такое быть... ну не все ж нам в говне...

– Щ-щас, я вам, блин, щ-щас посоветую, вам, так посоветую. – не очень ловко языком ворочая ответил странник времени и, шатаясь, полез на стол. – Первым делом сограждане, друзья, братья и сестры, это вокзалы, почта, телеграф и арсеналы. – вестник энергично махнул рукой и не удержав равновесия слетел со стола. – Вас же много, вас мириады так потряните же зажавшуюся сволочь, вы обойдетесь и без них прекрасно, а они без вас и так сами собой издохнут, ибо от роду делать ни хера не умеют – ведь это пиявки и могут лишь сосать, так пусть они сосут то, что мы им сейчас дадим и предложим, – тут вся камышовая пивнушка заходила ходуном от хохота, – верните время управления богов – Нетеру, когда в Та-Кем все были равны. Царица наша, Нейтикер, жизнь, здоровье и сила, убрала самых злобных и сама оставила престол, что бы вы, все её дети, смогли построить сами, наконец-то, мир счастья, справедливости, достатка она ведь знала что вы, её народ, трудолюбив, умел и честен и все

вы сделаете как должно. Ух, я-то знаю, о чём говорю, ребята, я с ней очень часто беседовал о вас и она в вас, охламонов недоделанных, верила, хоть и вида не подавала. Так хотя бы ж попробуйте, за нас все боги, в том числе и Ра и Тот и Птах и Хнум и и-ик! и вперед за мной! – вестник богов сделал энергичный жест рукой и полетел со стола.

Однако упасть ему не дали, а подхватили и поставили на ноги, и вся толпа повалила на улицу из пивной, и тут же все передрались.

Ну а как иначе?! Неотвратимо приближающиеся счастливое, будущее, началось вполне приличной дракой с другой подвыпившей компанией, но вскоре недоразумение разъяснилось, и лишь потому, что на звуки общественного дебоша прибежала стража вооруженная дубьем.

Вообще-то это было очень странно – какая еще на хрен, стража, в такое-то неотвратимо приближающиеся счастливое, будущее. Так что счастливое будущее началось с хорошей потасовки. Но разбираться не стали, а все вместе дружно помирились и стражникам всыпали по первое число, что называется от души! Достали суки! А вот и напрасно! Впрочем, и это чудное развлечение продолжалось недолго, так как выяснилось скоро, что стража-то оказалась нашей местной, египетской, мать вашу, тщетно пытающейся поддержать на улицах Меннофер, хотя б подобие порядка, ибо нубийская и ливийская стражи занимались в основном разбоями и грабежом. Тут же побратались, обнялись, пострадавшим стражникам налили, ясное дело, и отправились дальше наводить порядок вместе, не пропуская, впрочем, ни одной пивнушки, наверное, что бы порядок поддержать и там.

К середине ночи вестник оторвался от революционных масс и плелся по какой-то улице, обнимая все встречающиеся кипарисы, смоковницы и пальмы и откидываясь назад, смотрел в звездное небо и иногда грозил ему пальцем. А когда этого казалось мало, то и кулаком. Небо угрожающе молчало. Тьма египетская плотно обхватила его в густые черные объятия и почему-то колыхалась взад вперед подобно волнам моря, заставляя и странника колыхаться вместе с собой. У очередного кипариса, с громко дребезжащей на нем цикадой, и падающей сверху какой-то слюной, вестник Джедсегер и Небсебек вытащил бумеранг постоял, покачиваясь и пробормотав:

– Ну, друг мой, больше я уворачиваться от тебя не собираюсь.

И запустил его в темноту, едва не брякнувшись на землю.

Тьма вдруг сказала:

– Ну, так я и думала – напился как скотина.

– А в-в-вот и н-нет. – странник помахал, невидимым, даже ему самому, в темноте, пальцем. – Не как скотина, а гораздо х...х...ху-хху-хху... и-ик... же! И вапцще – иди отсюда, кой-что сейчас прилетит сюда обратно. И не факт что не в твою темя, а может и в мое. Выяснять уже потом все будет поздно. Так что – фить! Давай отсюда!

– И как с тобою говорить прикажешь, когда совсем не вяжешь лыка?

– Тьма, мне говорить с тобою не о чем, лучше перестань туда- сюда болтаться. А то меня стошнит то твоих телодвижений.

– Совсем уж спятил, какая я тебе, на хрен, тьма!

– Ну, я же здесь совсем один и чей же это голос может быть, дело ясное что ть... ть... ить... мы... тьмы! Тьфу!

– Я не тьма, а человек, а ты пьянчуга.

– Вот тут ты ошибаешься! Я вовсе не пьянчуга и я не напился, просто и у меня есть повод для этакого времяпровожденья. И во-о-бщще такой у нас национальный русски... то есть у роме обычай! У вас, насколько я знаю, тоже!

– Да знаю я твой повод, а так же ведом и обычай.

– Послушай человек, а почему же от тебя я вижу только голос? А ты, вообще, мужчина или эта... как ее... что-то противоположное, во, вспомнил, – - женщина!?

– Вот допился! Женщина я, женщина, что из того?

– Это очень кстати, иди сюда, мне очень женщина нужна, то есть не мне, а моему телу. Мне-то ты на хрен не нужна!

Темнота хмыкнула.

– Очаровательное и весьма изысканное предложение! В другой бы раз я, может быть, подумала б над этим, но тело, это самое твоё, боюсь, сейчас стошнит, а так же и мое стошнит – на это глядя.

– Ну, а тогда, какого дьявола, тебе от меня надо и где, это самое, твоё тело? Дай-ка его сюда!

– Я здесь с тобою рядом, но ты глаза залил и ничего не видишь. Но, думаю, в таком плачевном состоянии толку будет мало.

– Ну и чё те надо, если трахаться не хочешь?

– Я трахаться никогда не против, пора уже понять наши египетские обычаи, но я к тебе с порученьем, а ты все об этом, как память оказалась коротка, а все туда же – люблю, люблю, мою царицу, жить без тебя не могу.

Странник, наконец, насторожился, попытался сгрести разбредающиеся мысли в одно место и спросил по возможности безразлично:

– И от кого же среди ночи с порученьем?

– От неё.

Джедсегер и Небсебек резко выбросил руку с раскрытой ладонью в сторону голоса, но там, видимо, ждали такой эскапады, и ладонь схватила ничто. Темнота фыркнула и, сконцентрировавшись в одном месте, придвинулась к страннику и блеснула зубами, оказавшись высокой черной девушкой.

– Не лови, я никуда не убегая. Узнал меня и вспомнил?

– Такое не забудешь, ты барабанщица. – вестник схватил ее за плечи и притянул поближе, девушка оказалась чуть не на голову выше.

– Фу-у! – брезгливо произнесла она. – Ты мог бы не дышать, я ненавижу пиво.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга, негритянка, из под своих свисающих на глаза кудряшек, слегка насмешливо, а странник так даже с нежностью и, нежно проведя ладонью по ее щеке, спросил:

– Так это все на самом деле было?

– Вот это сам решай – было, аль не было.

– Ты что одна спаслась?

– Чего ж одна, ты вон тоже спасся. Но я спаслась по делу, мое спасенье продолжение твоего, а ты-то вот зачем, мне непонятно?

– Мне это тоже непонятно, а так же непонятно – как. По крайней мере, я не собирался.

– Наверно все же да, раз оказался здесь. Но это дело не мое, это дело совести твоей, тебе земная богиня все объяснила, хочу узнать, что ты намерен делать.

– Совершенно ничего, я там все сделал, то, что было нужно, здесь не осталось ничего, ну, разве вот, только ты, как воспоминанье. Кстати, как зовут тебя?

– Я не хочу быть ни воспоминаньем, ни тем более напоминаньем, так что на меня надеяться тебе не стоит. Зовут же меня Тиби (ноябрь), а ты уже не помнишь?

– Послушай Тиби, как же все же вышло, что я здесь, в мире живых, а она там, ну где наоборот?

– Ах, давно ли этот мир стал для тебя миром живых, ведь раньше все твердил, что это мир мертвых. А объяснять тебе я ничего не буду. Не хочу, во первых, и нет смысла, во- вторых.

Странник схватил негритянку и встряхнул, сверкнув глазами:

– Ты Нейтикерт! Это ты, проклятая ведьма, забравшая мое сердце, О том, что думал я о мертвых и живых она лишь знала!

– Нужно мне твое сердце как бегемоту лодка. Я – Тиби и повторяю еще раз, что у меня от царицы Нейтикерт тебе посланье, так будешь слушать или нет?

– Послание из мира тьмы из какой-то излучины бесконечности, я думаю там, кроме боли, больше ничего, в том посланье.

– Ну так и оставайся, для тебя нет больше слов. – черная фигура начала медленно растворяться в темноте.

Странник тут же прыгнул следом и вновь схватил черную гибкую фигуру, Тиби извернулась и, ввинтив свои руки между его руками, стала выворачиваться из объятий, и он почувствовал как мускулисто и сильно ее тонкое тело, сильно гибкой змеиной силой.

– Постой не уходи, пойми, я человек из другого мира, и мне не так уж просто решить вопросы жизни и смерти, конечно же, я буду слушать, напрасно ты подумала иначе.

– Ну, наконец, уговорила! Он будет слушать! Вот одолжение спасибо! И отпусти меня, мне твои объятия неприятны. Человек, блин, будущего.

– Да я тебя и не обнимаю вовсе, как же задержать тебя иначе.

– Очень просто, одним лишь словом – подожди. А силою, ты меня, один хрен, не удержишь. Или еще не понял?

Вестник, конечно, мог бы задержать и силой, строптивую девицу, хотя черт ее, в самом деле, знает, но не стал пытаться.

– Хорошо, скажу я даже больше одного – прекрасная и восхитительная Тиби, остановись и передай же, наконец, послание царицы, а то уж ночь идет на убыль и, если дальше так пойдет беседа, не хватит нам ни дня, ни следующей ночи.

Восхитительная Тиби брыкаться тут же перестала, а повернувшись лицом и взявши вестника за руки и приблизившись губами к уху зашептала и вестник вдруг услышал специфическое низкое контр-альто царицы Нейтикерт:

– О, странник мой, пришелец и бродяга

– Хочу открыть тебе свою я тайну

– Хотя поверить в это будет трудно,

– Ты в этом мире оказался не своею волей

– Ведь это я звала тебя сквозь бездну

– Что бы со мной ты был в минуту смерти

– И чтоб ушел со мною в темную долину

– Твоя любовь ко мне всего внушение

– Моя к тебе – истинная правда

– Но это получилось не так как я хотела

– Мне оказалось мое чувство неподвластно

– И лишь, поэтому в последний миг я так решила
не забирать тебя с собой в могилу.

– Зачем?

– Желанье жить в тебе уж очень сильно

– Ты можешь оставаться в нашем мире

– Для этого дарю тебе я Зушу.

(текст автора)

Наступило всеобщее молчание, нарушаемое только металлическим треском цикад. Двое так и стояли, держа друг друга в руках.

– Нет! – наконец сказал вестник. – Я тебе не верю – ты Нейтикерт! Ты каким-то своим дьявольским способом сменила внешность, но голос-то твой.

– Ты сам-то веришь в то, что говоришь? Ты не забыл, что я музыкантша и танцовка и певица и голосом чужим могу сказать все, что захочешь. Мужчины от голоса моего стано-

вятся как замороженные, а от моих тенцев просто падабт к ногам. Вот и решила я немножко порезвиться. И хватит, надоели все эти крики, вопли и стенанья, поверь, противно слушать. Я порученье выполнила, а теперь свободна.

Строптивая, Тиби высвободилась и направилась во тьму тут же скрывшую ее черную фигуру.

– Вопрос о воплях и стенаньях пусть останется открытым, но ты кое-что забыла моя Тиби.

– Твоя? И что же? – донеслось из темноты как раньше.

– Ты должна со мной остаться в этом мире, таково желание твоей царицы.

– Желанье у нее совсем иное, а приказание действительно такое есть.

– И ты останешься?

– Я исполню приказанье.

– Ты как-то странно его исполняешь, все удаляясь дальше.

Тиби ответила легкими удаляющимися шагами, сведения о которых странник получил только от своих ушей.

– Тиби!

– Ну что тебе еще?

– Ты почему уходишь?

– А я тебе нужна?

– Если нужна, то что?

– Без всяких если, нужна, – так догоняй! Давно догнал бы, была б нужна. Молчишь? Вот то-то же. А то все Тиби, Тиби... да иди ты!

– Эй, Тиби, не сердись, уж очень идиотские я задавал вопросы и не сердись еще один задам – вдруг если б что, то ты б осталась?

– Ну и вопросец! – фыркнула невидимая черная красотка. – Из всех твоих дурацких этот прямо царь дураков! Но, что б поставить дамбу на пути глупости потока, я отвечу – конечно же осталось бы и об этом я сказала сразу.

– И стерпела б неприятные объятья?

– Ах, ты вот о чем. Я преувеличила, объятья как объятья не лишены приятности. А то смотри-ка, как его заело! Одного вот не пойму, за каким фигом, все это, что, да как, да почему. Не все ль тебе равно, что думаю я о твоих объятиях? Тебе же, проходимцу и бродяге, любовь царица подарила, она и на любовь щедра по царски – влюбилась, не торгуюсь! Не стала сравнивать кто ты и кто она, просто любила. Что можно после этого еще искать, а он все Тиби, Тиби... что тебе Тиби, что ты для Тиби?

– Эх, Тиби, да мне просто жалко отпускать тебя, ведь нас осталось двое после ада.

– Нет, ты не прав, нас не двое, а ты один и я одна. Вопросы кончились? Если кончились, тогда прощай. А ада ты еще не видел. Он тебе еще предстоит, если хватит мужества. Ад ждет тебя, мой вестник, Небсебек и Джедсегер. Ну, я, по крайней мере на это очень надеюсь!

– Прощай не без сожаленья. Нет, постой!

– Да это кончится когданибудь!

– Я просто хотел спросить – почему?

– Вопросец знатный! Позволь тогда и мне спросить – чего?

– Почему вы сделали всё это? Почему пошли на смерть вслед за своей царицей? Ведь вы так молоды и жить могли бы очень долго, а вы безропотно ушли за нею в бездну мрака. И здесь творили с нею вместе чудовищные вещи. Чем она вас смогла заставить? Как околдовала?

Негритянка подошла вплотную к страннику, обычно бесстрастное, как и у всех черных женщин, лицо, словно засветилось внутренним огнем.

– Да! – с гордостью сказала Тиби. – Мы совершили страшные и чудовищные вещи. Мы пытали и мучили знатнейших мерзавцев и подлецов и делали это с величайшим наслаждением. Вот этими руками, – негритянка показала длинные и изящные пальцы, – я лично сидрала с них

шкуру и вгоняла в задницы им колья и чуть не кончала от этого в безумном экстазе. О, это было божественное наслаждение, – вершить справедливое возмездие и видеть, как зло корчится в страданиях своим оружием же пораженное. И знаешь, что я поняла? Зло очень не любит в зеркало смотреться. Оно само себя боится более всего на свете. Как только само с собой оно столкнется, как тут же стенанья, крики, вопли и мольбы о пощаде. Зло очень любит поговорить о справедливости и милосердии и совсем некстати вспоминает о законе. Если бы ты только знал, сколько я наслушалась подобной хрени и тому подобной дребедени! Права моя царица, что зло существует только на почве удобренной несопротивлением и добром. И еще она сказала, что раз люди не хотят жить в мире и поступать по справедливости лишь потому, что так жить и должно, то будут так жить из страха неотвратимого и жестокого и чудовищного наказания, которое будет стократ более жестоко, чем их грехи. И она спустила нас, свору, натасканных на зло, черных собак, и мы насильовали насильников, убийц убивали, грабили грабителей, пороли судей (но этот так, для развлечения), и обдирали шкуру с вельмож, ободравших Черную Землю. И всего лишь за год мы почти очистили Прекрасную Твердыню от всякой мрази. Зло быстро поджало хвост, столкнувшись само с собою. Прекратились грабежи на улицах, никто не лез в гробницы предков, женщины могли ночами по городу ходить спокойно (правда, дуры, почти и не ходили) и судьи перестали взятки брать за неправедные решения, ибо знали, что ночью к ним могут к ним прийти неслышными тенями «черные собаки», или «дикие лисицы», или «ночные кошки» и они будут отвечать не по своему подлому и продажному закону, а по справедливости. Сказала бы по чести, но чести ни у кого не оказалось и все ответили по справедливости.

О, какая жалость, что было нас так мало! О, горе для Черной Земли, что жили мы так недолго! Хотя бы тысяча, таких как мы и две земли были бы очищены от скверны!

Глаза юной чернокожей убийцы сияли огнем вдохновения, губы мечтательно улыбались.

– Какая же страшная вселенская несправедливость, что такая великая царица родилась в столь подлые времена. Сколько бы смогла она свершить великих деяний, оставшихся в памяти людей на тысячелетья! Но мы все же вырезали зловонный нарыв. Всех и сразу! – с гордостью закончила Тиби.

Вестник, совершенно протрезвев, с благоговейным ужасом, смотрел на юную фурию, только сейчас осознав, насколько далек он от этого существа из глубокой древности, в котором чудовищным образом сочеталась высокая мораль, самоотверженная преданность и звериная сущность. Не жестокая, а именно звериная, ибо зверь всегда защищается до последнего и никогда не сдаётся, насколько бы не превосходил его противник силой и размерами. Зверь не сдаётся и не просит пощады – он просто не знает, что это такое. Он знает только два варианта – победа или поражение. В первом случае – никакой пощады, а во втором, – не на что рассчитывать! Там дальше только пустота. И он содрогнулся, представив, насколько далек он от царицы Нейтикерт, если даже служанка ее кажется существом запредельного мира. Он содрогнулся, представив, что успела натворить царица, за свою короткую жизнь. Он содрогнулся, вспомнив, что считал ее юной и беззащитной девой, а она уже к этому времени была коварной и чудовищной убийцей, коварная как дракон и беспощадная как крокодил.

– Да, она вас заворожала. Оплела невидимой и прочной паутиной.

– Нет! – твердо сказала Тиби. – Не думай так и не унижай нас своими низкими мыслями. Ты просто нас и ее понять не можешь, лишь потому и жив. Мы все поступили так по собственному желанию. Прекрасно понимая, чем это кончится для нас. Это наш сознательный выбор. И мы не хотели жалкого существования, мы хотели яркой, полной жизни. С живой кровью! Со своей, чужой... это не важно. А ты, видно свою весьма ценишь?

– Но почему? Почему вы пошли на смерть? Ведь вы так мало прожили на свете! Я вас... ее хочу понять! Кто вы такие? И почему такие? В наше время подобных, уже не осталось. Почти. Ну, скажи, в чем дело, я просто понять хочу. Царица ведь мне уже ничего не скажет.

– Она говорила, но ты не услышал. От себя скажу. Потому, что мы, бесправные, ничтожные рабыни, не знающие ни матерей и не отцов и даже родины своей, жили как царицы! Царица относилась к нам как к своим подругам. Все, что она имела, тем и поделилась с нами. Мы одевались как царевны и принцессы, мы ели – пили как светлейшие вельможи, мы танцевали изящные танцы и пели каждый вечер прекрасные песни, учились играть на диковинных инструментах и каждый день у нас был праздник. Мы были счастливы с нею рядом. Мы знали, что она земная богиня, прекрасная, страшная и непонятная богиня, и ее великой души хватило на нас на всех. А ночами мы выходили в город, тайными ходами, и вершили справедливость и сами чувствовали себя богинями – ведь мы карали самых сильных людей земель обоих, и не было силы нас могущей остановить. Да, иногда мы погибали, но месть наша за подруг была ужасной. Каждая знала, что ее придут на помощь, а если не успеют, то за нее страшно отомстят. Мы богини-хищницы, земное воплощение Сохмет, Тefнут и Мафдет. Мы парили над Прекрасной Твердыней, словно на крыльях справедливой Маат, неся заслуженное возмездие недоям. И самой прекрасной, самой страшной, самой безжалостной из нашей стаи была царица Нейтикерт. И какими слабыми оказались против нас здоровые и полные сил и, вооруженные до зубов, мужчины! Я за неё отдам не только жизнь, а сотню своих жизней, если бы они у меня были, и что уж говорить о жизнях посторонних, к примеру, скажем...

Тебе ткнула пальцем в грудь вестнику.

– ...о твоей!

С хищной улыбкой, едва видимая в темноте девица, смотрела на вестника.

– Ты хочешь сказать – у тебя есть приказ царицы...

Тебе продолжала с наслаждением во взоре смотреть на вестника.

– Ты хочешь сказать...

– Не пугайся! – изволила, наконец, изречь черная фурия и шутя ударила вестника ладонью в грудь. – Ты был бы уже мертв, если б было такое мне указание. Хотя ты и совсем не беззащитный козлик, но ты был бы уже мертв! Ты мужчина, иначе она не любила бы тебя! Ну? Получил ответ на свой вопрос?

Вестник, молча, кивнул.

Тебе неожиданно обняла его рукой за талию и, склонив голову, с любопытством заглянула сверху в глаза, словно жираф, увидевший на ветке павиана.

– Ну что? Желанье не пропало? А то может трахнемся немного? Где хочешь быть – сверху или снизу? А, может, стоя? Ты так сможешь? Лично я по всякому хочу.

Предложение было весьма неожиданно и, изрядно протрезвевший, вестник слегка приоткрыл рот, а Тебе, увидев неподдельное недоумение на лице его, весело рассмеялась.

– Ой, умора! У тебя такая рожа, словно тебя схватила львица и вместо того, чтобы сожрать, изнасиловала!

– А что ж поделать, если почти так оно и есть на самом деле. – и вестник также рассмеялся и левой рукой притянул к себе высоченную черную девицу. – Ты, девушка, великолепна!

Отсмеявшись, Тебе хотела идти, но вестник сказал:

– Позволь я провожу тебя, а то в городе неспокойно и по улицам бродит подозрительное жулье и всяческое отребье.

И это вызвало новый приступ веселья у черной девицы.

– Ты меня проводишь?! – смеялась удаляющаяся девушка. – Меня, державшую сей город в жутком страхе! От самого забитого крестьянина до самого джати. Да я иду в большой надежде, что ко мне прицепится пара-тройка козлов – я каждого для начала трахну, а потом медленно зарезу, или долго придушу, или заставлю выbleвать кишки. Он меня проводит! Я падаю, держите!

Смех постепенно затихал в ночи.

– Счастливого тебе пути, черная суккуба. – проговорил вестник. – Я даже и думать не хочу, куда направила ты свой путь. Пусть это останется для меня тайной. Пусть это будет твой, а не мой выбор.

«Вот тебе и Тиби – так думал вестник пробираясь между улиц – какая точность и какая глубина всего в двух фразах. А ведь и правда, и так на самом деле – любила не торгуясь. И утверждала, что я всё знаю, а я об этом и не мечтал даже во снах. Такое разве может быть, это был не человек а метеор, сверкнувший молнией – и всё вокруг сгорело. Не только всё вокруг, но и внутри, в душе остался пепел. В душе остался пепел! Весьма затасканное выражение. Вот ещё тоже, что за стенанья, в самом деле, на вестника все это не похоже. Давай-ка разбираться хладнокровно и по порядку. Разбираться, безусловно, надо, да что-то как-то пусто все вокруг, хотя народа уйма. Постой, ты сюда вот так явился, не зная никакой царицы и было тебе очень интересно. Почему? А может это правда, что это все она царица-ведьма».

Вестник понимался все выше в направлении Сокара. Везде в ночи гудела прибывавшая вода, озеро Лотосов солидно прибавило и вода по шлюзу уже сбрасывалась на поля.

Поднявшись на плато, странник сел лицом к дворцу. За белой стеной, на возвышении, по прежнему стоял дворец Инебу-Хедж, но без своей таинственной хозяйки, их было много до нее и еще больше будет после.

Все – нет ее, а что она сумела сделать с ним, за не такой уж большой срок общения, остается непонятно. Каким же образом сумела сделать, так что собою заменила все вокруг. Он даже говорить стал как она, да что там говорить, он и думает вот так же. Обычным языком уже не может. А ну попробуем, что за наваждение, в конце концов!

Итак, царицы нет, она исчезла, улетела, развеялась как дым. Но ведь её не было и раньше, в том месте, откуда он пришел. Её там не было. А здесь была! Вот только что была. Значит, не исчезла, просто её нет здесь, а, следовательно, надо искать. Нет, не искать, а найти. Пожалуй, он догадывается где. Но! Но это уже что получается? Сплошная мистика и больше ничего. Тогда останется поверить в бога, а точнее во всех богов, а может так и надо, ведь царица верила, и верила, что и она богиня и это ей дало уверенность в собственном бессмертии.

Странник фыркнул, а фыркнувши, развеселился и веселился долго на краю города Мертвых с гудящей массой воды под ногами. Во, сказанул, точнее, подумал – сплошная мистика!

А всё вокруг это что, простите? А он сам невесть, откуда взявшись? Это что за явление природы? И с чего он так уверен, что их нет, богов. Всё верно – он их не видел, ну так он их и не невидел, в таких вещах, где отрицание там и доказательство. Вполне быть может, что вот именно сейчас собрались несколько таких, ну скажем, Птах, Тот, Хнум, Нейт и Исида и качаясь в гамаках (это, к примеру, аллегория такая, для тех кто не очень понял), а так же спичкой в зубах ковыряя решают, как бы по-прикольней распорядиться этим, как там бишь его, ну тот который вестник.

Может такое быть? Да очень просто, а если и не так, то как-нибудь иначе, мысль общая может и верна. Хотя все это очень даже можно объяснить и с точки зрения науки.

Надо искать путь обратно, а затем назад сюда в тот момент, где еще есть царица Нейтикерт. Но вот вопрос – зачем искать умершую тысячелетия назад царицу, когда там, откуда он пришел множество прекрасных женщин? Можно найти и покрасившей, у нее вон и ушки слегка оттопырены и челюсть как у львицы и носик хоть не длинный, но широкий, да и характер ещё тот и зверские, свирепые привычки. Все это так, но она любит, не торгуюсь. И...и больше такой, просто, нет! Именно такой надо отдавать всю жизнь, без остатка, и именно с такой надо умирать, и почитать это за счастье. Вот, главное, чего он не удосужился понять! Ты все хотел ее спасать, а она в спасенье и не нуждалась. С такой надо было умереть! И не раздумывая, а ты посмел усомниться!

– Я тебя найду. – сказал странник вслух и поднявшись в рост, крикнул. – Най-ду-у-у!

– Мужик, ты чё орешь? Пару амулетиков не подаришь? – ну очень неожиданно спросили из темноты.

– Ну, вы как-то совсем не вовремя, братва, бродяги. У меня, вообще-то, трагедия во внутренних моих душах. Любимую, возлюбленную я потерял, совсем недавно.

– Ну, дык, душа твоя, вообще-то, нам и на хрен не нужна. Любимая твоя тоже нам до барабана. – посочувствовали из темноты гегемоны. – А на браслетики, ты случаем, небогат? – поинтересовались те же и оттуда же

– Дык, енто, и ну, дык того, не нажил я богатств, на царской службе, но вот та девушка, что пошла вперед, очень богата на всяческие сюрпризы и у нее уйма всяческоподобных штук-чек-финтиклюшек. Она с вами поделится ими не ломаясь. А лично я гол, как сокол.

Темные силуэты двинулись следом за исчезнувшей во мраке последней «черной собакой», а вестник, некоторое время, подумав, чего это он такое, придурок, сотворил, с топотом побежал следом за грабителями.

– Эй! Так уж и быть граждане урки. – запыхавшись, проговорил он. – Сделаю уж для вас я доброе дело – набью вам морды как можно по-больнее, и с вас того будет довольно. А девушка пусть идет дальше. У нее дела. И совсем не месячные.

Следом за этой фразой, в темноте прозвучал смачный звук плюхи, затем последовала невнятная возня, слегка разреженная еще несколькими ударами. В последующей за этим, ночной сумятице, вестник, расквасил несколько физиономий, щедро раздал десятка полтора пинков, получил болезненный удар в ухо, ушиб об чью-то твердую голову свою нежную и изящную ногу и, подпрыгивая на здоровой, кинулся вниз по улице, уводя банду от шастающей во тьме Тиби и, параллельно с этим, от жестокой смерти.

Преследователи, с довольным урчанием, долго гнались за ним, пока не подвернулось, весьма и очень кстати, озеро Лотосов, ну будто специально для вестника налитое до краев, куда он и юркнул с тихим плеском.

– Ушел волчара, подлый! Ну там ему и п...ц, среди крокодилов!

«Ни фиги себе, богов посланцы» – думал вестник, плывя в таинственных ночных глубинах священного озера.

Глава вторая. Египетская кобра

Однако наслаждение от плаванья длилось не долго, его стало сносить течением к шлюзу и пришлось хорошенько поднапрячься в кроле, отгоняя навязчивую мысль о крокодилах, поспешающих на шум барахтающегося тела. Но, крокодилы в этот момент были заняты чем-то посторонним, и тут удалось обойтись без приключений, один, правда, пристроился, было сбоку, с явным намерением закусить, чем послали боги, но вестник, весьма раздраженно лягнул его в бочину, и обложил по матери Исиде, и вспрыгнул на чудовище сверху. Чудовище, падла, впало в истерику, и было радо избавиться от хищника случайно принятого за добычу. И вестник вскоре он очутился на берегу перед Инебу-Хедж и пошел вдоль высокой стены к реке.

Оп!

Сердце его так стукнуло, что он услышал его толчки через горло, как на львиной охоте. В том самом окне горел свет!

– О, боги, я не верю в чудеса, но я вас умоляю – сотворите чудо, ну хоть раз от сотворенья мира! – сказал богам вслух пораженный вестник.

Она стояла у окна и смотрела на великий Меннефер, погруженный в темноту разреженную вереницами факелов и живописными пожарами. Во тьме, почти у самых стен крепости неслась вода, но и сквозь этот гул пробивалось стрекотание цикад. Задергалась веревка, свисающая вниз, и сверху показались две ступни чудесным образом висевшие в воздухе. Так потихоньку появилось и все остальное.

Странник молча, как гусеница, раскачивался на веревке, глядя на женщину, стоявшую у окна. Светильники сзади освещали её стройную фигуру, но лицо оставалось скрытым, только блестели странным блеском глаза.

– Ты? – прошептал вестник, вглядываясь в фигуру. – Ты, моя царица?

– Да. – ответила она.

– Ты живая?

– О, да.

– Ты не умерла? Не исчезла из мира без следа?

– Зачем? Я умирать не собиралась.

Фигура в слабом ореоле света, протянула к нему руки. Вестник чуть качнулся.

– Сейчас, наверное, я получу очередной пинок? – спросил он.

– Не буду отрицать. И подтверждать не буду.

Женщина забралась на подоконник, приготовившись встретить вестника, и когда он качнулся на веревке к окну, ухватила его за схенти, рванула на себя, и они, кувыркнувшись через голову, полетели оба в зал и свалились на пол, спутавшись руками и ногами.

Сияющий взгляд, синих драгоценных топазов, воткнулся прямо в сознание вестника и он на время замер, сжимая в объятиях светловолосую девушку.

– Имтес! – наконец выговорил он. – Ты здесь откуда?

– Джедсегер. – Имтес обняла его рукой за шею. – А ты?! Разве ты не умер?

– Как видишь. Только не спрашивай почему – я не отвечу.

– Дорогой, а я иного от тебя не ожидала. – Имтес прищурила глаза. – Я знала, с самого начала знала, что ты очень умный и очень хитрый человек. Выглядишь, дурень дурнеем, а сам очень изворотливый и ловкий. – Имтес обхватила его локтем за шею и притянула к себе. – Дорогой, я аплодирую тебе. И почти что я тебя люблю!

– Я рад, что талант не остался без признания. Один раз такое уже было – в Порфириновых горах. Там меня тоже за своего посчитали.

– Знаешь, ты можешь мне не верить, но и я рада. Я, в самом деле, рада! А, кстати, мы так и будем на полу делиться впечатлениями от встречи? Или, быть может, сядем в кресла или сразу перейдем на ложе?

Вестник встал и Имтес, изящно протянула ему руку с узкой ладошкой, пальцы которой были украшены перстнями со вставленными халцедонами, агатами и ониксами, мягко переливающимися в свете светильников. Запястье её украшал браслет чёрного серебра с громадным розовым сердоликом.

– Ну. – требовательно сказала она.

Вестник поднял её, и Имтес прыгнула ему на руки, обхватив за шею.

– Неси. – приказала она глядя в глаза. – Неси меня на ложе. Цариц ведь носят на руках? Вот и носи.

– Ты уже царица?

– Практически – что да.

Вестник поднёс очаровательную блондинку к ложу и осторожно выгрузил. Имтес перевернулась с боку на бок, свободно, как на пляже разлеглась, подперев голову рукой, почти как Нейтикерт, и пристально уставилась на вестника своими голубыми топазами, толи с насмешкой, толи с торжеством.

– А помнишь, дорогой, что совсем недавно, мы вот так сидели, но с точностью до наоборот. Ты лежал, а я над тобой сидела, как ты сейчас, и ты крайне удивился, что перед тобой твоя жена. – Имтес засмеялась. – Мне уговаривать тебя еще пришлось, а ты брыкался, отнекивался, упирался. Рожками бодался, копытцами лягался, отмахивался хвостиком, а я, все-таки, уделала, тебя. Ха-ха, если бы ты знал, какой разговор предшествовал сей драме!

– Да, ты достойный противник.

– А, признаешь мои достоинства.

– Конечно! У тебя всего в избытке.

– Сейчас получишь. – Имтес не отводила сияющего взгляда.

– За что же?

– За правду.

– За это стоит. За это можно и убить.

Вестник вдруг обнаружил, что, в общем-то, даже рад видеть свою липовую и стервозную супругу. И взгляд её драгоценных глаз, уставленных в упор, по-прежнему приносит наслаждение, вызывая восхитительную изморось внутри организма. Имтес не отрываясь смотрела, словно решила окончательно загипнотизировать.

– Это так. – неожиданно сказала она.

– О чём, мой белоснежный лотос?

– О своих достоинствах. Их у меня значительно больше, чем у царицы.

– Почему к такому выводу пришёл лунный лучик? Вопрос ведь спорный.

– Потому, что у неё существенный есть недостаток, все достоинства на нет сводящий.

– О, царица наша, это вообще хитросплетенье, всевозможное соединение всеневозможного.

– Да, – согласилась Имтес, – это так и есть! С одним лишь исключением – она была.

– Что?

– У неё есть огромный недостаток, который ты, до сих пор, похоже, так и не заметил.

– Похоже, ты мне его сейчас укажешь

– Обязательно!

– Ну, назови мне этот недостаток. У нее их масса, но какой самый самый?

– Ха-ха! Она великих достоинств дева, отрицать просто невозможно, но самый крупный ее недостаток – она мертва! И это очень преогромный недостаток, особенно по сравнению со мной.

Имтес закинула руки за голову и с наслаждением потянулась.

– Живой быть хорошо. – сообщила она. – И на нынешний исторический момент (как ты любишь выражаться), именно я живая.

– А что ж тебя тогда так мертвая царица волнует.

Имтес вновь устала взгляд на вестника.

– Меня? Да, Осирис с тобою! Меня она волнует? Она тебя волнует! Я же вижу. А тебе надо понять, что есть вещи, что необратимы и надо просто принимать, их так, как есть. Всё! Всё, Джедсегер – её уже не будет и лучше изгнать этот образ из сердца и посмотреть на то, что перед тобою, а не тосковать о том, что ушло во мрак. Я вижу, что она тебя всё ещё держит, и я тебя давно предупреждала, что б от неё держался ты по-дальше, иначе заберет она тебя с собой в могилу. Она ж так просто, одна, уйти не сможет, ей надо за собою утянуть народа кучу. Я ведь вижу, все прекрасно вижу, что и сейчас, она тебя зовет к себе, и, уж поверь, не потому, что ты ей очень нужен, а потому, что сущность такова её – все забрать, туда во мрак, потому что здесь, в царстве света, дать ничего она не может кроме крови, боли, разрушения и страдания, и, самое смешное, что ты и сам все это знаешь, возможно, лучше, чем и я, ведь все это время с ней якшался, но никак не можешь сбросить её черного и мрачного очарования. Я признаю, что оно у нее есть, но не стоит ли пересмотреть свое мировоззрение?

– Опять ты все сказала верно и только подтверждаешь, что верно сказано и мной. Ты смотришь так, и ты права – она и есть именно такая. Да, она чудовищно жестокая, но не жестокая на самом деле, она просто безжалостная. Она чудовищно безжалостная, но справедливая. Она чудовищно справедливая, но... но, просто она справедливость иначе, чем все люди понимает. Я же смотрел иначе и поверь, видел царицу Нейтикерт совсем другую. Она совсем из другого мира, она просто пережила своё время и у вас, людей обычных, случайно оказалась. Она из времени титанов и титанид, не испытывающих жалости ни к кому но, и не жалеющих себя лично, и за это, хотя бы, они достойны уважения. Себя царица не жалела, ни единого момента! Никто этого не сможет отрицать – более всего себя царица не жалела. Она единственная богиня, что я в мире видел.

– Значит, говоришь, другую видел? Мурлыкающую и воркующую, хочешь ты сказать? Такую, и я, о мой друг, видала. Так это была все та же хищная львица, пойми же, – суть-то по-прежнему звериная осталась. В чем разница, скажем для тебя, с урчаньем или рыком, или с мурлыканьем тебя утянут в ад Аменти?

– Ну, пусть и это будет верно, тебе то, что за дело, куда меня утянут в Дуат, Иалу или Аменти?

– Спасти тебя хочу, такой вот у меня каприз и вот такая слабость, той нравились убийства, а мне наоборот. – Имтес насмешливо посмотрела на странника и неожиданно приподнялась и, обхватив его руками, зашептала. – Мой дорогой, ты сам подумай, какой сейчас удобный случай, – Нейтикерт всех претендентов в могилу утащила, (и ей за это мое отдельное и огромное спасибо) престол владык Земель Обоих свободен и я единственная и законная (если в суть дела не вникать) наследница прошу тебя быть со мною рядом. Ты помнишь, как я была твоей женой, какое-то же время ты так думал, так скажи – хорошей я была женой?

– О, да, ты была великолепна.

– Я не только была, – я есть. В отличии от некоторых. На это обрати внимание.

– Да, всё получилось так, как ты и хотела – царица умерла, а ты жива. Нет больше Гора сына Ра и нет измены супруг Горы..

– Верно, теперь только ты и я без всяких повелений. Мы всё исполнили, как предназначено и никого не предали. Мы были верны царице Нейтикерт. До смерти! Далее уж верности требовать никто не вправе! Теперь пора за дело.

– О, да! Дел вам здесь теперь с избытком хватит, сейчас начнется свалка, бунт и драка.

– Драка так драка, значит подеремся. Будь же смелей, мой милый, я не верю, что ты боишься драки, ты же обладаешь тайным знанием, давай построим все эти колесницы, катапульты, арбалеты, огнеметы, что там еще можно построить, ты же знаешь, как сражаться, лучше самых лучших наших полководцев. Я знаю, ты же предлагал все это царице, тогда ты действовать хотел и ты знаешь, что все это мне по силам сделать, ты знаешь, что я действовать умею, и кое-что из твоих планов уже осуществила – Та Ше наполнена, дамба построена – вода запасена на весь сезон. Мы с тобой неизмеримо богаты! Почти вся вода наша. Обрати внимание на мои слова – не я, а мы! Я верю, что победа будет наша, и МЫ с тобою непременно станем властителями Черной Земли.

– На такое предложение я уже раз ответил – царица посмотри-ка на меня – какой же я властитель? – вестник улыбнулся.

– Ты? Ты будешь самый лучший и самый справедливый! Ты сам этого не понимаешь! Я, тебе отвечу по другому, – а кого бы ты хотел видеть правителем из тех, что были, и из тех, что теперь остались? Ты же хотел сей мир исправить – вот тебе возможность! Но ты все сомневаешься, все думаешь о ней. – Имтес взяла лицо странника в ладони и со странным сочетанием нежности и страдания сказала. – Поверь же, мой дорогой, у тебя нет просто выбора иного, не стоит больше сравнивать, прикидывать, решать, все решено и лучше будет, если ты поверишь мне на слово. Мы проживем прекрасную жизнь полную событий и приключений и я буду тебе самой лучшей женою и другом самым лучшим. Решай сейчас, через мгновение будет поздно. Ты только, дорогой, подумай, что можешь упустить возможность изменить весь мир! На многие тысячелетия. Изменить! В лучшую сторону. Как ты и хотел! Это же твоя мечта! Ну, я же знаю, что ты хочешь изменить его, ибо то, что ты видел за пять тысячелетий тебе совсем не нравится.

– Имтес, но я же говорил, что не вправе вмешиваться в исторический ход событий. Жить в истории можно сколько угодно – менять её нельзя. Последствия непредсказуемые будут.

– В жопу твоя история. В задницу ее! – с египетской прямоотой сказала Имтес. – И мордой в свинной навоз непредсказуемые последствия!

– Ты что, Имтес?!

– Я сказала – в жопу вашу историю и в задницу её последствия! Еще раз тебе повторить? Или хватит одного раза? С чего ты взял, ну, с чего, что вся ваша гребанная история, та, которую ты знаешь, есть верх мирового совершенства? С чего ж ты взял, что она вас приведет прямо мордой в райские Иалу? Нет, ну скажи с чего?! Ну, скажи, скажи? Я древняя египетско-ливийская дура, хочу услышать слово мудрости. Итак? Объясни, почему непременно будет хуже? И отчего решил ты, что тот зигзаг, что мы с тобой сейчас заложим, обязательно приведет к худшим результатам? Откуда это тебе известно? Почему же, обязательно, должно быть хуже? А может хуже быть уже не может? Об этом ты не думал? Так, как в твоём понимании дальше будет. Об этом-то подумай! На досуге, если время будет.

Вестник замер пораженный простотой и логикой рассуждений дамы диких теххенну. В некоторой растерянности он присел на ложе.

– Ну, вот, ты знаешь эту самую историю на тысячелетия вперед, так скажи мне честно – она предел совершенства?

Вестник, молча, покачал головой.

– Ну, может она улучшается год от года? К примеру, меньше крови льется?

– Крови пролили море и ещё моря прольют.

– Но все хотя бы люди стали сыты?

– До сих пор от голода люди мрут. А кое-где даже и от жажды. В нашем мире, сказочных свершений и баснословного богатства, кое-кому даже воды не хватает.

– Так может стали лучше сами люди?

– Ну, как сказать, я даже не знаю, мы себя считаем верхом цивилизации, а то, что было раньше – все полный отстой, в отношении морали.

– То есть это мы, с вашей точки зрения зверьё и дикари?

– Ну, есть такое мнение.

– А сам-то как считаешь? Ну, ты прожил у нас кое-какое время, и что? – сильно мы отличаемся от вас?

– Ох, дорогая Имтес, я даже и не знаю, у нас, знаешь ли, есть общепринятые нормы морали.

– И у нас есть. – свет в глазах древнеегипетской стервы почему-то пропал. – Вырубленные в камне и написаны в каждой гробнице – вдов не притеснял, у бедных не отнимал, будто у тех еще что-то отнять можно, да, и еще нищим помогал. Нищему помочь огромная заслуга – целая корка хлеба! У каждого сдохшего мерзавца так и написано. Вы следуете им? Ну, если честно?

Вестник, опять молча, покачал головой.

– То есть, я так понимаю: что зная истины простые, что известны уже нам, их недавно Нейтикерт перечисляла, вы за тысячелетия должны были бы стать равны богам, и жить в райских полях Иалу. А вы по-прежнему по уши в дерьме. По макушку. Почему не создали рай земной для всех? Да, хрен с вами, пусть не для всех, но хотя бы для работающих, для общества и государства? Отвечай! – Имтес затрясла за грудки Джедсегера. – Отвечай, придурок! Отвечай урод!

Вестник развел руками. Имтес с невыразимым презрением посмотрела на него.

– Так какого же ты хера, боишься изменить сущность мирового порядка, мой дорогой? Чего ты, так нежно бережешь, кучу огромную говна? Ты либо трус, либо ханжа.

Вестник закусил губу и порывисто обнял Имтес, изо всех сил прижав к себе.

– Имтес! – голос вестника слегка дрогнул. – Мой белоснежный лотос! Ты права. Во всём права. Да неужели же по-другому, будет хуже. Да неужели может быть хуже, чем всё это время было?! Неужели может быть хуже, чем когда мудрецов приговаривали к смерти за мудрость и за попытку понять сущность мира? Неужели будет хуже, чем когда зодчего, за сотворение чуда света, в тюрьму сажали и доводили до самоубийства? Да неужели будет хуже, чем тогда, когда государство, спасшего его героя, как предателя изгоняло? Неужели будет хуже, чем когда с какого-то банана посчитают великой царицу свой народ превратившей в скот, да так превратившей, что еще триста лет его делят на быдло и все остальное.

Имтес недовольно заводила плечами, высвобождаясь из объятий.

– Подожди-ка с объятьями и прочими лобзаннями. Ты не ответил на вопрос – кто ты? Я свои объятия кому попало не раскрою. Долг перед царицей Нейтикерт я полностью исполнила, её я не предала, а теперь, после ее смерти, наступают другие отношения.

– Послушай, Имтес, я как-то и не предполагал, что ты хочешь изменить будущее в лучшую сторону.

Имтес, чуть приоткрыв ротик, посмотрела на вестника.

– Знаешь, дорогой, на это будущее счастливое, я хотела бы пописать. Вот положи его передо мной, здесь перед ложем, общее будущее, счастливое для всех, я над ним присяду и напишу на него – вот таким образом я в него верю.

– Ух, Имтес! – вестник загоревшимся взором посмотрел на блондинку. – Ах, моя дорогая, а как же словеса, вырубленные в камне – не отнимал, не угнетал, не притеснял? Те, что ты мне только, что говорила?

– Хм? – Имтес с интересом посмотрела на вестника. – Ты это серьёзно? Нет, ну, в самом деле, ты действительно считаешь, что может быть будущее счастливое для всех? Ты настолько глуп, что в подобной глупости признаешься?

– Знаешь, Имтес, знаешь, моя дорогая, царица Нейтикерт, почему-то верила в эту глупость, – она даже точно знала, что либо всё для всех, либо ничего и никому. Страдание, значит

для всех страдание, а радость – тоже для всех. Она не признавала избранность рая. Он знала только одну единицу измерения – рай. Или – Ад! И все должны были этому подчиняться, пока не въедут, – что же им на самом деле надо! Мне кажется, что ты еще не въехала.

– И что же это такое нам тут вдруг стало надо? Ты это знаешь?

– Знаю! Всем нужен рай, поля Иалу, но... но, всегда за счет других. Рай каждому нужен, но только для себя. Ну, такова психология человека, – ну он не верит в рай, пока рядом не образуется ада. Для человека рай – в аде для другого человека.

– У вас там все такие?

– Разве у вас иные? По-крайней, мере ты именно такая.

– Да! У нас такие же. Но нас разделяют тысячелетия и мы вправе ожидать, что вы там, в будущем далёком, хоть чем-то отличаетесь от нас.

– А! – вестник махнул рукой. – Какое там. Но я не понимаю, если ты не хочешь мир улучшить, то за каким тебе бананом рваться к власти? Чего же ты хочешь?

Глаза Имтес вновь загорелись.

– Плевала я на мир! Я хочу власти! Полной и безраздельной власти. Я знаю совершенно точно, что с ней мне делать. Я уверена, что распоряжусь ей лучше, чем другие. Я слишком долго ждала этого момента, чтобы упустить теперь его. Пеопи-Нефрикара был слишком стар для возможности влияния на него и слишком древен для изменения порядка. Он относился к нам как к бабочкам и стрекозкам, порхающим по цветам – очень красиво, но это и всё. Меренра-Амтиесаф слишком уж рано ушёл за горизонт, и мы не успели овладеть им в полной мере, иначе не случилось бы такого. Он не привык еще слушать голос своих женщин, он по молодости лет считал, что мы только для услаждения его плоти, и больше ничего. Ему и в ум не входило использовать женский ум. Хотя даже наша малолетняя царица ему в интригах давала фору и предупреждала, да где там! Слушать повелителю девчонку, малолетку. Ну, да, умом ее он восторгался, как и всякий отец, но в слух принять... ну, это ж невозможно для мужского эго! А ты, думаешь, мы ему не шептали, не жужжали, не бормотали и не трандели, не зудели ежечасть? Да, блин, языки стерли, шепча о его «друзьях». А толку? Толку ни хера, потому, что Меренра-Амтиесаф был слишком молод, чтобы прислушиваться к нам и слишком благороден, чтобы поверить в предательство друзей. И еще, на беду его, слишком смел, чтобы кого-либо опасаться. А ты думаешь, Нейтикерт была бы другой, если бы ее отца не убили на ее глазах? А точно такой же была бы благородной дурой, начитавшись всех этих древних сказаний о героях. Но, а теперь с царицей... ну с царицей ты и сам знаешь ситуацию. И вот теперь! Теперь!

Имтес подскочила на ложе и схватила вестника за плечи.

– Ты! Теперь ты встанешь со мною рядом. У тебя, скотина, много знаний! Ты обязан это сделать, если только ты не болтун, если и вправду веришь в свои слова о лучшем мире. И ты сам знаешь, что вместе со мною сможешь это сделать. Или ты боишься крови? Ты трус?

Вестник покачал головой.

– Вот и славно. Мы будем действовать быстро и очень жестоко. Чем более жестоки мы будем в начале, тем спокойней будет жить страна потом. Нас ждут сражения, дальние походы и завоевания, великие строительства грандиозных сооружений. Ох, мой дорогой, если бы ты только знал, что я замыслила построить! Куду там Хуфу и Хефрен!

– О, Имтес, о, бывшая моя прекрасная супруга, откуда мы возьмём на всё это средства в обнищавшем государстве. Тут не хватит богатств твоего сепы.

– Ха! Ха-ха! Наше государство очень богато, только богатство находится, не там где должно. Мы вытрясем несметные сокровища из тех, кто растащил страну по своим уделам. Я вытрясу их вместе с головами и кишками. Где твои папирусы с доказательствами о сокрытии золотых рудников? Царица ничего не предприняла в этом направлении, а я завтра же арестую

негодяев, и отдам под суд, а послезавтра их головы украсят вот этот мой стол. А послепослезавтра их богатства пополнят царскую казну.

– Имтес, их головы уже покинули тела. Царица всё же кое-что предприняла, но без всякого суда.

– О, ошибаешься, мой дорогой! – глаза Имтес разгорались всё ярче, а ногти впились в кожу. – Остались родственники, а за государственное преступление уничтожается весь род. Всё золото принадлежит царю! Только царю! Весь род государственных преступников должно извести под корень! Это закон! Наш египетский закон! Прямо сейчас пошлём отряды и возьмем под стражу всех уродов, пока никто не разобрался в чем суть дела. Собирай всех своих знакомых простолюдинов, с которыми любил якшаться и жрать пиво, им тоже найдется работа. Строй свои диковинные орудия, организуй войска. Что же ты выбираешь, дорогой?

Имтес затрясла вестника.

– Выбирай! Выбирай же Дждесегер – жизнь в огромном мире, полная событий или тоска о мрачной тени, исчезнувшей в бездне Аменти?

– Имтес, я останусь с тобой. Я сделаю всё что смогу.

– И ты забудешь Нейтикерт?

– Никогда.

– Не понимаю, дорогой. – Имтес прищурила глаза.

– Царица сейчас в вечности, а я остался здесь и должен прожить эту жизнь до конца, ибо этого царица и хотела. Ты права во всём – нечего болтать и не в чем сомневаться, надо изменять этот мир. Я проживу эту жизнь до конца с тобой рядом, до самой вечности, а там... Впрочем, кто же знает, что будет там. Ты всё сказала и всё абсолютно верно, забыла лишь одно.

– Что же?

– Так, малость.

– Что именно, мой дорогой?

– О любви ты ни слова не сказала.

– Дорогой, – Имтес чуть улыбнулась, – я тебе говорю о серьезных вещах, а ты о всякой ерунде.

– А именно это для меня и важно. Если есть любовь, хотя бы на срок одной жизни, то все у нас выйдет. Всего мы достигнем на срок хотя бы одной жизни.

– Послушай, но это же чепуха.

– Получилось очень странно. У Нейтикерт была любовь и она меня постоянно прогоняла и кроме любви ничего не предлагала и не просила. Ты же зовешь с собой и предлагаешь всё – весь мир и целую жизнь, всё кроме любви.

– Любовь? – прошептала Имтес, как-то притихнув и даже чуть опустив взгляд.

– Обязательно. Это всего лишь на одну жизнь.

– Тебе нужна моя любовь? – Имтес подняла печальные глаза. – Любовь принцессы Техенну?

– Конечно. Иначе не будет разговора.

Звон пощёчины раздался очень неожиданно.

– Такая подойдет? – участливо спросила она и отвесила ещё одну оплеуху.

– Любви моей захотелось. – прошипела Имтес и подскочила словно её кольнули в попку, руки её замелькали с такой скоростью, словно она решила переплыть бурные воды Хапи на одном дыхании.

– Скотина подлая! – заорала она. – Вся перед ним обнажилась. До трусов разделась. И трусы сняла. И все позы поменяла и всё скотине мало! А оно всё кочевряжится – любви теперь ему давай, гамадрилу! Ну, на! – получи любви по наглой морде!

Имтес, закусив губу, со скрюченными пальцами кинулась на вестника, и они покатались по ложу, брыкаясь и извиваясь.

– Дорогая, что с тобою! – кричал несколько растерявшийся вестник, с весьма переменным успехом уворачиваясь от звонких ладоней почему-то не желающей влюбляться Имтес. – Я не хотел тебя обидеть!

– Любви тебе, козлу! – вопила Имтес. – Мало, сука подлая, меня со всех сторон оттрахать, надо ещё в рот засунуть и на рожу кончить! Так получи к любви закуску. Нравиться?! Ну, так не стесняйся я щедро угощу и этим – на, ешь еще.

– Да, Имтес! Хватит. Обойдемся без любви, я не думал, что это тебя так расстроит.

Вот уж этого говорить, ну, ни как не следовало.

Имтес на мгновение замерла с открытым ртом и, некоторое, время, молча, созерцала вестника.

– Значит, обойдешься? – спросила она, наконец. – Без моей любви. А только что просил, как жизни! А оказывается вполне можно без нее и обойтись. А почему и нет? Тоже еще фигня какая! Любовь Имтес принцессы техенну! Вот еще херня какая! Какая-то любовь.

– Ой, прости Имтес, я сказал какую-то фигню. – как и всякий мужчина он совершенно не понимал женщин.

Он обнял разъяренную женщину и нежно притянул к себе, чего, в общем-то, тоже делать не следовало – Имтес с наслаждением вцепилась ему в грудь зубами.

Вестник завопил и бросил энергичную даму, но теперь уж она обхватила его руками и присосалась словно вампир. С шипеньем произнесла вполголоса несколько ругательств на исконно русском языке, он попытался разжать челюсти красавицы, но получил только лишний укус за палец. Он уже начал было прикидывать, не придушить ли слегка дорогую Имтес, как она отпустила его, очевидно насосавшись, или просто ей не хватило воздуха. Она подняла вверх улыбающееся лицо с измазанными кровью губами, объемистая грудь покинула пределы голубого платья и терлась о живот странника, а великолепная принцесса загадочно пообещала:

– Ну, как не мало, ли тебе, мой дорогой, любви? А то сейчас ещё добавлю.

И на четвереньках быстро поползла по кровати к столику. Странник, не желая выяснять какие еще сюрпризы его ждут, ухватил ее за ногу потянул к себе и из под платья плавно выплыла попка взбесившейся стервы.

Имтес, однако, принялась неистово брыкаться, и страннику пришлось навалиться сверху на, лишь теоретически одетую, девицу. Предполагаемая царица в ответ на это неистово извивалась и брыкалась, будто ее насильно лишали невинности, и призывала на голову странника всех демонов египетского ада, что было достаточно страшно, ибо имена их были не менее жуткими, чем демонов средневековья, но гораздо более понятными, прагматичными и ужсными.

Однако вскоре, поскольку они оба практически были нагие и очень тесно друг к другу прижимались, брыкания принцессы несколько видоизменились. Они как-то стали более размеренными и плавными, попка ее под странником зашевелилась, и начала его подталкивать. Имтес принялась постанывать и глубоко задышала, а так же головка ее запрокинулась вверх и руки странника ослабили захват.

– Подлец. – миролюбиво сказала принцесса.

Видимо начиналось действие шунну. Самого дьявольского изобретения мужчин. Из-за которого женщина с ума сходит от простого прикосновения к точке схождения ног.

– Мерзавец. – добавила она через некоторое время. –пусти меня, скотина, я повернусь. Хочу тебя видеть. Твою мерзкую рожу.

Имтес под ним перевернулась и, глядя почему-то с грустным торжеством, словно прощаясь с какой-то мечтой, протянула к нему руки, притянула ближе, левым локтем обняла за шею и некоторое время лежала, молча и не шевелясь.

– Значит без любви у нас с тобой никак?

Затем вздохнула, что-то нашарила правой рукой, и странник почувствовал укол в плечо.

Повернув голову, он увидел змею, впившуюся в него и попытался сбросить, но Имтес ладонью прижала ее голову еще плотнее, не позволяя вытащить клыков, и обхватила вестника ногами, другой рукой все так же обнимая за шею, зашептала на ухо:

– Так отправляйся же в ад, к своей возлюбленной царице. Зачем ждать ещё тебе целую жизнь. Неужели я не найду другого?

Вестник, наконец, оторвал руки Имтес от себя и от змеи, а змею от себя и, держа последнюю перед собою, рассмотрел. Прекрасная желто-охристая египетская кобра. Та самая, что избавила от позора жизни последнюю царицу Египта Клеопатру. Укус практически безболезненный.

– Ну, здравствуй Ная Гая! Привет тебе, моя подруга. В истории ты уже встречалась и в ситуации весьма похожей.

Он взял змею и за хвост и посмотрел, примеряясь на принцессу. На лестнице нарастал какой-то шум, и вообще, снаружи что-то происходило, но они все это пропустили среди пощечин воплей и объятий и рук принцессы, и влаги ее глаз. Странник накрутил ей на шею змею и потянул за шею и за хвост.

Имтес смотрела все так же презрительно без всякого страха. Лицо ее со вздернутым ливийским носиком, с румянцем на щеках выглядело девственно невинным, если бы не кривая усмешка, да и вообще все остальное было великолепно: крупная грудь раскинувшаяся в стороны, узкая талия, не очень широкие стройные бедра, светло-русый курчавый треугольничек у схождения длинных ног. Ну, натуральная блондинка.

– Ну что? Ждешь чего? – спросила Имтес, в упор глядя горящим взглядом. – Не умеешь убивать? Жалко меня? И вправду никакой из тебя правитель.

Да, египетская дама отличалась от своих пятитысячелетних потомков, – те верещали бы перед лицом смерти, и просили бы пощады, а эта высказывала полное презрение и смеялась в лицо смерти. Мысль о пощаде просто не приходила ей в голову. Она знала, как надо умирать. Она знала, что пощады за это не бывает. К чему же унижаться в неосуществимых просьбах. Да пошли вы все!

– Имтес, убивать – наука не из сложных. Оживлять, по-моему, будет намного сложнее. Именно по этому, я предпочитаю обходиться без убийства. Живи себе на здоровье!

– Что? – через некоторое время неестественно глухим голосом спросила Имтес, приговаривая к смерти.

– Я говорю, оставайся жить. И так уж слишком много трупов.

– Ты... ты, сволочь, меня даже не убьешь?

– Ну, я не Шекспир, чтобы нагромождать такую кучу трупов. Живи себе на здоровье. Ну, должно же быть хоть какое-то отличие за тысячелетия.

Вестник улыбнулся. Вполне искренне..

– Я сунулся в ваше время, не очень хорошо изучив его. Ну, вот и результат.

– О, боги!

Имтес метнулась к столику, странник сделал вялую попытку ее задержать, но справедливо решив, что худшее принцесса уже сделала, остановился. Имтес схватив со стола обсидиановый нож, на четвереньках поползла по кровати к страннику. С небесно синими глазами, окровавленными губами, с колыхающейся объемистой грудью и с ножом в руке она была великолепна.

– Ты что, дорогая, неужели так уж, невтерпёж?

– Нет, нетистой, дай плечо может быть еще не поздно. Я... я не хотела... ну, по крайней мере, именно тебя... ну, так получилось...

Имтес полоснула по змеиному укусу ножом и припала к ранке губами.

– Не трудись Имтес, конечно, уже поздно. Господин Джедсегер, на сей раз доигрался и довыпендривался. – сказал странник, но сопротивляться не стал, – сосущая кровь женщина

доставляла ему и физическое и эстетическое удовольствие, которых оставалось в этой жизни уже совсем немного.

Разомлев, он даже погладил ее по волосам. «Ну что ж – думал он – а не плохая все же смерть, она, оказывается, бывает и красивой, а там за той чертой, кто знает, может, ждет меня царица и попаду из объятий одной красавицы прямо в объятия другой».

Однако получилось все не так, как чинно и торжественно как планировалось, впрочем, как и всегда.

Нарастающий снаружи шум, гул и гам внесся в царские покои вместе с толпой его производившей.

– Ну, так и думал – этот парень опять с девчонкой, ух ты, смотри, как присосалась, а хороша чертовка! Ты смотри белобрысая какая!

Странник и принцесса удивленно обернулись. В зал вливались революционно настроенные массы, весьма прихотливо вооруженные всяческим дрекольем и сельскохозяйственными орудиями, но кое-где мелькало и настоящее оружие. В первых рядах с солидной кувалдой, шел кузнец Энеджеб.

– Что такое!? – Имтес поднялась на кровати в рост, не смущаясь ни мало своей наготы. – Как посмели, ничтожные рабы! Все ниц падите на землю, в пыль, под мои сандалии.

И хоть на Имтес не было никаких внешних атрибутов власти, толпа и в самом деле рухнула на пол. Кроме кузнеца продолжавшего подходить ближе.

– Друг мой, не доведут тебя эти бабы до добра, ты пропустил самое интересное, такая славная была драчка, а что это за девица стройная такая, ну-ка познакомь.

– Друг мой, а здесь тоже было интересно и тоже с дракой. Знакомлю: Имтес – это, Энеджеб, кузнец из самых лучших. Энеджеб – здесь Имтес принцесса техенну и супруга Гора.

– Ух ты, блин, и правда, Имтес! – кузнец с благоговением оглядел принцессу в натуральном, так сказать виде, несколько задержавшись взглядом на точке схождения ног и, спохватившись, добавил. – Приветствую супругу Гора.

– Перед тобой повелитель! А ну-ка быстро мордой на пол или задом на кол и выбирай быстрее что для тебя приятней. – притопнула ножкой Имтес.

– Да тут такое дело, моя госпожа Имтес, что-то мои шея и спина перестали гнуться. – несколько смущенно сказал кузнец. – Я думаю это от того, что меня, наверное, где-то просквозило.

– Имтес, и ты, мой друг, давайте-ка субординации вопросы вы решите чуть попозже, мне некогда, я тороплюсь на встречу, которую не отменить.

– Вот тоже, опять он торопится, хрен такой, уж сделай милость, задержись приятель, вишь, тут какие дела творятся. Нам необходимо руководство знающего парня из народа.

– Мне очень неудобно перед тобой, друг мой, вы тут, конечно, наворочаете черти чего, но у меня не выйдет задержаться, меня, тут видишь ли, еще одна красавица поцеловала, да, блин, как ты выражаешься, крепко, вот эта самая – странник поднял кобру, которую до сих пор держал в руках. – По имени Ная Гая, сам понимаешь, какие уж теперь задержки, мои часы по пальцам можно перечесть и пальцев на одной руке с избытком хватит.

– Нет, Небсебек... ну, а как же... постой... это что же... а почему...

– Вот именно, друг мой, и я того же мнения.

– Но, ведь у нас, только- только, жизнь сейчас начнется, без этих всех властителей, правителей, владельцев и прочего подобного всего говна, ты сам же говорил, что жизнь будет счастливая в мире и покое, в труде каждого для всех, и всех для каждого, и что может быть лучше, да почему же именно сейчас, ты нас покидаешь.

Странник, протянув руки, хотел сойти с кровати и подойти к кузнецу, но спотыкнулся и полетел на пол, выпустив из рук кобру, которая тут, же грациозно скользнула под кровать.

Энеджеб, отставив объемистую задницу, принялся шарить под царским ложем кувалдой, намереваясь выгнать кобру наружу и прибить.

– Оставь ее, приятель. – спокойно сказал вестник, чувствуя легкое онемение в кончиках пальцев, яд принялся за дело. – Оставь, право слово! Возможно кто-то из ее потомков дальних, последней царице Черной Земли поможет избежать позора. Не хочешь же ты лишиться свою царицу возможности умереть с честью. По крайней мере, башку сей гадине расплющив, меня ведь ты все равно здесь не удержишь. Это два действия абсолютно не связанные с собою.

Кузнец опустил на колени и приподнял странника.

– Да мне эти всякие царицы! Да пошли они все на хер! Нет, подожди, друг мой, не уходи. – голос у Энеджеба дрогнул. – О, Боги, что же теперь будет! Не оставляй меня, друг мой! Я не знаю, что мне делать дальше. Я так надеялся, что мы будем вдвоем.

– Эй, эй кузнец, ты чё на самом деле! Еще нам двум, обоим мужикам, не хватало разреветься. – вестник шлепнул кузнеца по плечу. – И это с нашими-то рожами: твоею – кирпичом и моею – фиг поймешь какой, а ну, смотри-ка, повеселей, а то ведь от такой вот кислой рожи еще быстрее сдохнешь, а остальные на нас глядя со смеху помрут.

– Конечно, я готов рыдать и выть, от того что ты меня бросаешь. Как же теперь мир справедливости и счастья?

– О, мир справедливости и счастья! Да, в самом деле, с ним-то как же. – вестник замолчал закусив губу. – Друг мой, вы непременно его постройте, я в это очень верю, нет, не так – я знаю это совершенно точно, ты ж знаешь, что будущее для меня открыто, поверьте только в это сами. Ну, все, твоя смурная харя, мне до смерти надоела, давай-ка лучше тяпнем по чуть-чуть, тем более у нас прекрасный повод.

– Какой же сейчас может быть повод?

– Как это какой, ну ты чё, брателла, а мои похороны и поминки для тебя, что, не подходящий повод? Ай да друг! Вот уж спасибо за сочувствие!

– Ну, шути так Небсебек. Не надо!

– А кто тут шутит? Мне просто редкий выпал случай, я пропускать его совсем не собираюсь, такое, прямо, скажем, случается совсем не каждый день. Так что по быстренькому, распорядись насчет носилок то да се. Ты уж прости, но вам придется отнести меня в носилках, а, то что-то непонятное у меня с ногами, хотя я и совсем не пил сегодня, да и неудобно вроде бы – идти покойнику к гробнице своим ходом.

Поскольку, Энеджеб все же пребывал в растерянности, Имтес произнесла:

– Если ты действительно все так закончить хочешь, то я распоряжусь, конечно, если эти охламоны, не перебили всех во дворце.

Имтес за прошедшее время успела надеть свое голубое платье и в настоящий момент сидела перед медным зеркалом, подводя сурьмой брови и алой помадой губы.

– Да, пожалуй, так будет естественней всего, но у меня есть условия и первое из них – чтоб никакой бальзамировки, это раз уже пытались делать и мне это страшно не понравилось, а второе – отнесете меня туда, куда я укажу.

– Вот я сама б никак не догадалась!

– Ну, так быстрее начинайте праздничные хлопоты.

Глава третья. Захоронение Вестника

Все получилось, как и хотел вестник, ну с некоторыми мелкими неувязками.

Небо уже серело в целом, а на востоке даже наметилась розово-зеленая полоска, будто первая волна из Нижнего Мира готовилась вынести в небо солнечную барку. Гор готовился к выходу в Верхний Мир, а путь странника вел его теперь в другую сторону, и уже не было возможности уклониться от пути, ведущего в мир теней.

Поддерживаемый кузнецом, поскольку ноги уже плохо слушались его, вышел из дворца и их встретил хор плакальщиц и они, стоя на коленях и запрокидывая головы с растрепанными волосами, так жутко завывали, что им откликнулись шакалы со стороны города мертвых. Женщины заламывали руки, трепали свои волосы, падали на колени, посыпали головы пылью и продолжали перекликаться загробным воем с шакалами и гиенами города Мертвых, в редкие промежутки звенящей тишины слышался какой-то тоскливый плач. Плач спускался откуда-то сверху – очевидно перекликались мелкие совы.

В сером промежутке между ночью и днем, между светом и тьмой, завывающие женщины и впрямь выглядели как демоны преисподней, посланные из ада проводить странника в подземный мир.

Вестник остановился, и некоторое время слушал, проникнувшись видно, наконец-то, торжественностью момента, затем, с помощью кузнеца, влез на носилки и хотел уже отправляться в последний путь, но тут по ступеням спустилась Имтес. На ногах у нее сияли золотые сандалии, белое платье сверкало искрами на голове красовался сине-желтый клафт. Никто ее не сопровождал, ибо дворцовая стража поразбежалась, но Имтес не смущало отсутствие охраны. Под завывания плакальщиц она подошла, позвякивая браслетами, к вестнику, лежащему на носилках. Лицо ее было очень серьезно, без обычной ангельской улыбки и глаза не светились нежностью, а смотрели строго, даже жестко.

– Послушай, вестник, я не хочу, что б между нами осталась какая либо недоговоренность. Это для меня очень важно.

– Ну, что же, момент самый, что ни на есть, подходящий. Слушаю тебя, моя принцесса дорогая!

– Хочу сказать, тебе я на последок, что никогда тебя я не любила.

– О, благодарю!

– За что? За что же ты меня благодаришь? Мне это не понятно?

– За откровенность. Впрочем, я на это обратил внимание, наверное, поэтому так долго и задерживался рядом.

– Я знаю, – кивнула Имтес, – Тебе это нравились и хотелось узнать в чем тут дело? Но это еще далеко не все.

– Ну, давай и остальное. Время очень подходящее.

– Ты мне был даже неприятен, а кое-что так вызывало и отвращение.

– Еще раз спасибо, но и это мне известно и видимо это вторая причина той самой задержки, очень уж меня все это заинтриговало. Я знаю, что у многих вызываю неприязнь и даже ненависть от первого лишь взгляда, ни сделав, ни плохого, ни дурного, одним своим лишь видом. И ты из них, из этих самых, и очень искренне и последовательно ненавидела меня, а за что, тебе, наверно, и самой совершенно неизвестно, мне же ты нравилась всегда и вызывала сильный интерес и...и даже нежность. Ты нравишься мне и сейчас. Ну, так что? а теперь мне можно ехать?...туда... или еще есть что?

– Не спеши, мой дорогой.

– Вообще-то меня там очень ждут.

– Там подождут. Куда тебе так спешить? – там ведь, пред тобою, вечность. Подождут, тебя демоны Дуата не усрутся. Ну их на хер.

– С этим не поспоришь.

– Хочу я еще кое-что тебе сказать – в тебе сочеталось все совершенно не сочетаемое и это выглядело весьма отвратительно. Ты жил все время как мямля и слюнтяй, а поступал как храбрый воин и мудрец. Вот так у тебя постоянно выходило.

– Извини, я не хотел. Так уж получилось.

– Вот-вот. Ты извиняешься перед своим убийцей. Я это ненавижу.

– Тогда не извиняй. – пожал плечами вестник.

– Вот именно – дурак, а так же и слюнтяй.

– Прости госпожа, но друг мой не дурак и не слюнтяй. – неожиданно подал голос кузнец.

– Заткнись! – яростно сверкнула своими топазами Имтес.

– Он не дурак! – повысил голос кузнец. – Я это прекрасно знаю! И уж совсем он не слюнтяй! Он настоящий мужчина! И пред его смертным часом никому нельзя его так называть, особенно если ты зовешься его супругой. В чем есть у нас сомнение. Еще есть одна женщина назвавшаяся его женою. И она здесь и не менее достойна, ибо скажет о своем супруге только хорошие слова.

– Заткнись тебе сказали здоровенная вонючка! – зашипела принцесса. – Я разговариваю с мужем. То есть, я с ним прощаюсь.

– Тогда найди другие слова для своего мужа, женщина! Твой супруг умирает! Уходит в Аменти без возврата. И если ты назвала его мужем, ну, не знаю, насколько он был им тебе на самом деле, то найди достойные слова для проводов супруга горизонт в Аменти! А если таких у тебя нет, то у нас они найдутся и достойная супруга другу нашему найдется. Не воображай, пожалуйста, что твоя любовь была единственной его отрадой в этом мире.

Кузнец поднял огромные ручки и глаза горе. На «вонючку» он не обиделся, потому что от него действительно припахивало чесноком, толи от того, что он недавно работал в кузнице, толи от того, что обильно употреблял этот очень полезный, но крайне выдающий себя овощ. И еще от него тянуло пивом, а вот это уже именно от того что, он его изрядно хлебнул намедни.

– Но... – Имтес неожиданно положила ладонь на руку вестника.

– Ах, еще есть «но»!

– Но, если б ты со мной остался, я бы об этом никогда б не пожалела, а также бы не пожалел и ты. Мы были бы прекрасной парой, всем на зависть. Впрочем, мы такой и были парой.

– Да, смотрелись мы великолепно. Но, Имтес, дорогая, ты просто бы меня убила чуть попозже.

– Я тебя не убивала. – Имтес убрала руку. – Я тебя, может не любила, я тебя может, даже ненавидела, но я тебя не убивала. Вот этого не надо! О, мой дорогой, для тебя я не убийца, о чем и предупреждала!

– !

– Я выполнила последнюю волю моей царицы.

– ?

– Она давала тебе выбор – так, либо – эдак. Ты выбрал. А я тебя предупреждала неоднократно и предлагала тебе жизнь. Со мною. Ты выбрал! Сам выбрал!

Имтес взглянула на него с презрительным сожалением, как на ненароком раздавленную жабу и пошла прочь. Вестник открыл рот, но Имтес резко повернулась и крикнула:

– Не вздумай что-либо сейчас ляпнуть! Все! Не о чем нам больше говорить. Мы уже в разных мирах! Прощай – вот и все, что могу тебе сказать.

Затем она взглянула на кузнеца и, ткнув в него пальцем, сказала:

– А ты, ну ты, ты, что с наглой рожей кирпичом, после захороненья тела Джедсегера, ко мне во дворец бегом. И даже и не вздумай скрыться – найду и сразу на кол жопой!

Великолепная стерва удалилась под завыванья плакальщиц.

Вестник с улыбкой сожаления посмотрел ей вслед, развел руками, и сказал:

– В добрый путь друзья мои.

И процессия тронулась. Тут же сквозь вой и стенанья плакальщиц вверх взлетел чей-то высокий надрывный выкрик:

– Смерть стоит передо мной!

Плакальщицы, понизив стенания, ответили глухо:

– Как выход из тяжелой болезни.

И вновь страдающий вскрик взлетел вверх:

– Смерть сегодня передо мной!

И тихий ответ толпы:

– Как благоуханье священного мирра.

И далее стенания одного голоса отражались ответом множества:

– Смерть встала передо мной!

– Словно ветром наполненный парус.

– Смерть сейчас передо мной!

– Будто расцветающий лотос.

– Смерть передо мной!

– Как возвращенье из плена.

– Смерть передо мной!

– Лишь возвращенье домой.

(текст подлинный)

Сзади на востоке нарастало свечение, но это было за спиной вестника, и он постоянно поворачивался, рассчитывая еще раз, уже последний, увидеть розово-оранжевый, как сердолик в браслете Имтес, диск солнца. Но процессия двигалась по дамбе пересекающей озеро Лотосов на запад, туда, где еще властвовала тьма.

Жуткая песня, словно река, быстро несла странника туда во тьму, подавляя последнюю волю к сопротивлению наваливавшемуся небытию. Она уносила его сознание, подбрасывая его на бурунах и закручивая в своих водоворотах. Он почувствовал, что эта песня, эти завывания плакальщиц вытянут из него жизнь раньше, чем дойдут они до погребения. Нельзя все же еще живому слушать все это в свой адрес, это можно слушать только мертвым. А он хотел еще раз увидеть солнце в небе Египта. Хотел увидеть, зная, что это в последний раз. Имеет он право увидеть, зная, что в последний раз? Ведь тогда он и смотреть будет совсем иначе, и видеть иначе.

– Эй, друзья мои, спасибо вам за этот вой чудесный! А теперь быстро взяли все и дали остальным: мизмары, саламины, аргули, дарабукки, хоки, рикки и кусаты, ну и конечно арфы и мигом все запели самое веселое, что есть на этом вашем свете, ведь можете же веселиться, я же видел. Такое вот мое последнее желанье. Проводите меня, пожалуйста, весело, в загробный мир Дуата.

Процессия остановилась, плакальщицы в недоумении переглядывались, некоторые молча, а некоторые, продолжая вполголоса причитать и подвывать, то вздевая руки, то закрывая ими лица, видимо трудно было сразу же выйти из погребального транса.

– Друг мой, – обратился странник к кузнецу, – сделай, как я прошу. И вино. Где обещанное угощение? Где, я вас спрашиваю, расторопные мои, а то гляди – уже почти захоронили, а кубок канхемского в дорогу налить по жидились.

Кузнец внимательно посмотрел на своего друга неожиданно свалившегося из тьмы веков некоторое время назад, мгновенно ставшего ему другом и теперь так же неожиданно уходящего обратно во мрак. Кузнец похлопал его по плечу – не беспокойся, сделаем все как хочешь.

Тут же все быстро организовалось. Впереди пошли, извиваясь плакальщицы тут же пере-квалифицировавшиеся в танцовщиц, за носилками следовали музыканты, сами носилки подхватили простые египтяне, отказавшись от услуг черных носильщиков, присланных принцессой. Вопреки ее опасениям обслугу во дворце вообще не тронули, ну, так кой-кому заехали сгоряча в личность, частью перебили нубийскую и ливийскую стражу. Вестник со счастливой улыбкой томно развалился на носилках прихлебывая из кубка вино, рядом шел кузнец с кувшином пива, тоже постоянно к нему прикладывающийся, в ногах у странника сидела невеста откуда взявшаяся Хеприура, державшая его за руку и совершала явно невозможное – радужно улыбаясь, горько плакала.

– А ну-ка, Хеприура, выпей-ка вина, и станцуй, как тогда, помнишь, ну этот танец крестьянки с тяпкой.

Маленькая египтянка похлопала глазами, но пожелание исполнила – вина чуть-чуть отпила и пошла перед носилками, вначале спотыкаясь и запинаясь, но увидав какими глазами на нее смотрит странник, вскинула руки, бедра ее закрутились, босые ножки резво затопали по земле выбивая струйки пыли и Хеприура пошла, нет, поплыла перед носилками вращаясь и извиваясь из стороны в сторону.

- Мой милый стоит на том берегу
- Между нами река несет бурные воды
- И я стою на речном берегу,
- Но к сожаленью не на том, а на этом
- Между берегом тем и берегом этим
- По широкой воде плывет крокодил
- О, мой друг крокодил, сын прекрасной богини
- Не смотри на меня своим глазом жестоким
- Передай лучше милому на тот берег привет.

(текст подлинный)

Странник попытался прихлопывать в ладони, но руки уже не очень слушались, хватало только сил подносить к губам кубок. Тут неожиданно и Энеджеб, сделав громадный глоток, крякнул, утерся ладонью и неожиданно взревел вместе с другими мужиками:

- Улягусь я на ложе, как старая собака
- Улягусь я на ложе и притворюсь больным
- Лечить меня врачам, будет большая мука
- Такое вот заболевание, что неизвестно им
- А к вечеру поближе придет моя любимая
- Придет моя любимая и посрамит врачей
- Придет, и меня вылечит, подруга моя милая
- Лекарство и микстура, от моего недуга, известно только ей.

(текст подлинный)

Так весело, с песнями и танцами, обошли по дамбе разлившееся озеро Лотосов, прошли вдоль западного берега и подошли, наконец, к входу в подземелье.

Вся толпа сопровождающих встала по обе стороны.

Странник приподнялся и окинул взглядом всех пришедших проводить его, стараясь хоть на миг поймать взгляд каждого. Люди. Такие же, как и ты, такие же, как и в твоё время. В чём же отличие? Они так же радовались своим пустяковым радостям – удачный улов сегодня, удалось подстрелить антилопу, можно с женой пойти к соседям выпить пива и спеть песни, Хапи принес обильные воды – голода в этом году не будет. С той стороны бездны их жизнь выглядела очень мрачной и безрадостной, но они, в своей недолгой жизни, умели радоваться малому и не очень печалиться невзгодам. Их было мало, очень мало. Во всей стране их было много меньше, чем в одном большом городе из будущего времени, но дела их были так удивительны, что и через тысячелетия их потомки с изумлением будут взирать на их творения, сочтя, что такое под силу только богам.

И каких только басен они о делах их не напридумывают. Особенно соплеменники вестника, которые ни о чём толком не знают, но обо всем желают судить. Это же намного проще выяснить, не то как это было сделано на самом деле, а проще доказать, что это сделать невозможно, хоть и строение это стоит. Вот оно стоит, а сделать его было нельзя. А ничего нельзя было сделать, ни пирамиды четвертой династии, хоть там саркофаги Хуфу, который был поставлен к погребальную камеру, до окончания строительства пирамиды, ибо он не проходит по внутренним коридорам. Никого не волнует саркофаг второй великой пирамиды с найденным внутри саркофагом Менкаура. Этот все неважно – пирамиды построили инопланетяне! Это надо же настолько неуважать себя и собственную цивилизацию, чтобы отдать все великие стройки древности хер знает кому, – пирамиды – инопланетяне, – пирамидные города ацтеков и майя – тоже инопланетяне, Тадж-Махал и Анкор – ну тут и вопроса нет, истуканы острова Пасхи, ну, есть ли вопросы? Борабодур, ну уж точно не люди, – да куда им на хрен, критская культура и разговора нет, – только инопланетяне. Микенская культура явно инопланетная. Осталось разобраться с тайской и китайской цивилизацией, и на земле ничего не останется сделанного человеческой цивилизацией. Дайте русскому мальчику, вечером, карту звездного неба и он утром вернет вам ее исправленной. И этих мальчиков становится все больше и больше, не желающих учиться, желающих поучать.

Странник все же дождался светлого лика Гора – красный шар выплывал из-за желтых отрогов правого берега Нила, приблизительно в том месте, из которого он сам пришел в этот мир некоторое время назад. Небо над Египтом набирало густую синеву.

– Знаешь, друг, – сказал он кузнецу, – а у вас очень синее небо, я такого раньше и не видел.

– Разве небо бывает другим?

– Бывает. Бывает белесое, бывает серое, а бывает, что и вообще его нет.

Носилки понесли по ступенькам вниз. Танцовщицы-плакальщицы, за неявкой жрецов, все же запели погребальную песню, слова которой они знали не хуже отсутствующих служителей богов.

– Кто находится «там», тот подобен живому богу.

– Кто находится «там», тот будет стоять на солнце.

– Кто находится «там», для того больше нет препятствий.

(текст подлинный)

Вестника хоронили как царя, хотя не было на погребении ни одного высшего жреца, ни одного хем — нечера, и очень мало младшего жречества. Плакальщицы взяли на себя ответственность за слова предназначенные только царю.

Странник повернулся на живот и смотрел сначала на мир залитый солнцем, на людей, смотрящих на него, затем на синее небо, видневшееся в проеме входа, затем на уменьшающееся просто светлое пятно.

Затем носилки внесли в помещение и поставили на пол, и странник повернулся вновь на спину и осмотрелся в подступившей темноте. Он уже плохо чувствовал руки и ноги, плохо ворочал языком и тяжело дышал. Пожалуй, именно вино дало короткую отсрочку, а теперь и она кончалась.

– Вот видите друзья мои. – сказал он склонившимся Хеприуре и Энеджебу. – Как все прекрасно получилось, вы первые, кто встретили меня в этом мире и вы последние кто меня проводят. Прошу вас воздержаться от плача, криков, воплей, так как скажу вам по секрету, что мне и без этого уж очень страшно, а я, вообще-то, намерен до конца вести себя достойно, как и положено порядочному парню. Теперь же обнимите меня быстро и идите и живите дальше. Живите, любите друг друга, размножайтесь.

Хеприура все же дала волю чувствам обняв странника и расположившись на нем сверху терлась о него носом и шептала:

– О, Повелитель крокодилов, о, мой повелитель, о, крокодилов любимый повелитель.

Она хотела сказать «О, мой любимый», но запуталась в крокодилах и повелителях под воздействием нервного стресса. И, поскольку несчастная женщина, обняв свою несбывшуюся надежду, не собиралась, по-видимому, ее теперь отпускать, Энеджебу пришлось снять ее и отнести за порог входа в зал, где египтянка, не удержавшись все же от многотысячелетней привычки своего народа, упала лицом вниз и стала посыпать голову пылью. Кузнец вернулся, обнял странника и спросил:

– Что я могу еще для тебя сделать, друг мой?

– Оставь один мне факел.

– Может не один, а больше?

– Одного с лихвою хватит, как выйдешь из зала ударь что есть силы по той плите, где птица Бену, хорошо бы вот кувалдой. А снаружи вход завали камнями. Это все. Теперь прощай. А нет, еще не все. Вот как быть с этим? – вестник показал глазами на Хеприуру.

– Не волнуйся, я все понял. Эта маленькая женщина не будет знать нужды. – кузнец подумал, покрутил головой и с улыбкой добавил. – Ну, пока мы будем живы. Прощай дружище.

Однако кузнец тут же вернулся.

– Прости, что я надоедаю в такую важную минуту, но... скажи, что мне делать... ну что самое-самое... а, то ведь я не знаю, что, же теперь нам делать дальше.

– Вот и славно, что не знаешь. А то ведь все те, что точно знали, как принести на землю счастье, принесли подземный ад.

– Но хоть что-то ты мне скажешь?

– Скажу. Скажу, как я это понимаю. Самое-самое это не давать одному смертному власти над другим, а для этого, постарайся не давать богатеть богатым и беднеть бедным и если не можете жить без власти, то пусть властвует один над всеми или большинство над меньшинством, но ни в коем случае не малая часть над всем. И еще одно – пусть дети получают почет за дела свои, а не за рождение.

Глава четвертая. Шаг в бесконечность

Через некоторое время после ухода Энеджеба гулко опустилась плита, закрывшая вход и отрезавшая окончательно от мира живых.

Вестник остался один на один с вечностью.

Там и только там сможет он найти свою прекрасную и жуткую любовь под именем царица Нейтикерт. Там она и пребывала все это время. Оттуда и позвала его на помощь, и он воочию увидел чудовищные события древней старины. Так все и должно было случиться, и так и должно было закончиться. Мир этот был почти реален. Но ведь настоящая реальность уплыла на барке времени уже к устью времени, как справедливо заметила царица. И все эти люди находятся в бездне Дуата. И если через тысячелетия он услышал отчаянный зов, то, наверное, у Нейтикерт были к тому основания. Вряд ли она испытывает там великое блаженство. Все, что происходило до сих пор, всего лишь краткий миг на пути в бесконечность.

Он так и не смог её спасти в этом мире. Теперь пришло отправиться в загробный мир и отыскать там свою возлюбленную.

Некоторое время он лежал, не шевелясь и совершенно без единой мысли, чувствуя лишь как немеет тело и вселенский холод охватывает его. Мысли, действительно, не было ни единой, но вместе с холодом вползал ужас от неизбежного грядущего. Вселенная чудовищным монолитом опускалась на его хрупкую и ничтожную человеческую сущность, своими размерами и тяжестью парализуя даже мысли о сопротивлении. Затем, когда убийца распоясался вовсю, решив, что вестник уже полностью в его власти, он ударил оставшейся волной жизни по могильному холоду и вышиб его из тела почти полностью.

– Не надо так спешить, дорогая гостья, хозяин еще здесь, – пробормотал он, – еще я не покинул свое тело, так что, постой пока что за порогом. Никуда я от тебя не уйду, но сейчас ты поспешила.

Но погружение в Дуат? Дуат не имеет места, там нет времени, там все чуждо привычному миру живого человека. И именно сейчас самый подходящий момент для погружения в его пучины. Сейчас, когда он между миром живых и миром мертвых. Причем намного ближе ко второму.

Впрочем, выбора особого у него и нет. Нет никакого – вход запечатан и коридор завален. Путь свободен только в сторону бесконечности. Туда он и пойдет. Главное удержаться и не взглянуть на саркофаг. Все так же, как и у Орфея, за малым исключением – ему нельзя себя со стороны увидеть. Если он увидит в саркофаге свое тело, то все станет на свои места и исчезнет последняя надежда считать себя живым и последняя возможность вернуться в мир реальный.

Он сделал попытку встать, и она оказалась безуспешной. Он попытался шевельнуть рукой, и это у него не вышло. Не шевельнулся даже палец. Ужас медленно и вкрадчиво вползал в сознание, пытаясь обхватить его липкими щупальцами. Каменные боги смотрели с суровым осуждением на жалкое человеческое существо, не желающее входить в вечность.

Нет. Он действует неверно. Он пытается действовать телом, отключив разум, но это не битва с живым врагом, а сражение с безразличием смерти. Здесь будет все наоборот. Здесь бесполезны физические усилия, ибо он идет в мир духов, мир ирреальности. И едва он об этом подумал, как тут же поднялся из саркофага и подошел к обозначенной на стене гробницы ложной двери, противоположной от входа.

Главное не смотреть назад. Пусть то, что находится в саркофаге, останется тайной. Если он сможет пройти по тропам преисподней, то через тысячелетия найдут эту гробницу и саркофаг со сдвинутой крышкой и посчитают, что гробница ограблена, мумия уничтожена, а сокровища похищены. Может, и он будет стоять рядом, и слушать предположения, скрывая улыбку.

А если останется в бездне Дуата, то еще больше предоставит хлопот потомкам своим истлевшим телом нестандартной внешности.

Теперь надобно открыть дверь из гробницы в преддверие потустороннего мира. Он вспомнил слова из тайного древнего папируса бога Тота:

- Глаз не всегда видит то, что есть
- Можно увидеть то, что говорят
- Можно увидеть написанное раньше
- Можно не увидеть то, что пред тобой.
- Глаз не всегда видит то, что есть
- Воспользуйся зрением ока Уаджат
- Для этого дано тебе твое сердце.

(текст заклинания подлинный)

Он провел по верхней кромке двери и пальцы его передали то, что почувствовали, и он произнес древнее заклинание:

– Делающий – делает, ползущий – ползет, тот, чье лицо сзади, – остерегается Великой двери.

(заклинание подлинное)

И Дуат открылся. Нет, не открылась дверь гробницы, просто явилось еще одно измерение ее пространства, и он увидел путь и приготовился сделать шаг.

Сзади слышалось мерзкое хихиканье, перемежающееся мерзейшим подвизгиваньем.

Вестник обернулся – павианам надоело изображать из себя безмолвные изваяния – они соскочили со своих пьедесталов и теперь прыгали по гробнице, скалили с издевательским видом длинные клыки и прочие зубы и верещали.

Наглые животные носились перед вестником и лезли настырно прямо в лицо, один вообще вспрыгнул ему на плечи и начал трепать за волосы, рассерженный несолидным поведением хозяин гробницы, стянул нахала за шкуру и стукнул по голове кулаком.

Наглые обезьяны с воплями повывпрыгивали в ложную дверь гробницы и скрылись с глаз, но тут зашевелилось черное изваяние Упуата и глянуло на вестника, ощерив пасть, а по стенам поползли черные тени похожие, на жадные, тянущиеся к нему руки. Этого вестник терпеть не собирався и шагнул вслед за ускокавшими в вечность павианами.

И ступив на порог в мир ушедших, он услышал женский голос, прокричавший над ним.

– Эй! Вестник, ты не ушел мертвым. Эй! Вестник, ты ушел живым. Ты очистишься в прохладном океане звезд.

(текст подлинный)

Вестник замер на месте, пораженный тем, что здесь в мире мертвых с ним заговорили. Но еще больше поразило его, что тут знают кто он.

Некоторое время никаких событий не происходило, затем тот же голос произнес, но уже не торжественным возгласом, а обычным голосом.

– Ну, может, что-нибудь ответишь? Хотя какое-нибудь заклинанье.

Вестник слегка приободрился и произнес необходимое заклинание.

– Приветствую тебя дочь Инпу, открой же для меня путь тайный, что б смог пройти его я до Ахета.

Невидимая дочь Инпу повздыхала и ответила:

– Ну, ладно – пусть хоть так. Иди же, что же с тобой делать.

Вестник шагнул в мир мертвых.

Путь в вечность за дверью выглядел, как черные клубы мрака во мраке. Для тех, кто ожидает в вечности небытия, это было самое подходящее место. Чернота жадно вцепилась в вест-

ника и со вкусом принялась растворять, явно намериваясь вобрать в утробу все до последнего атома его существа.

Он шарахнулся в сильном испуге, скажем честно – даже в ужасе, обратно в уютную гробницу, но – увы! – ее и след простыл. Все заменила жадная жующая тьма. Нет – билась беспомощная мысль – надо сопротивляться. Но как – он не мог понять, а понимать надо быстрее, ибо сущность исчезала со скоростью обвала.

И тут... какой-то отдаленный и неясный шепот... нет, даже не шепот. Просто мысль, но она обозначила его сущность в сжимающей тьме, и он ухватился за нее, и тьма перестала втягивать его. Шепот обволок его, тем самым обособив от пожирающей тьмы. Чьи-то неясные мысли удержали его на краю бездны. О, Небсебек... любимый... о, боги, будьте милостивы... друг мой, да будет жизнь твоя ...на полях Иалу... никогда ...не забуду...

В верхнем мире за него молились Хеприрура и Энеджеб и тем обозначили его сущность в глубине Темного мира.

Теперь они с мраком небытия существовали отдельно друг от друга. Но существование в крошечном мраке все равно, что и небытие. Нужны какие-нибудь события и персонажи.

Первый тут же и явился – перед ним встала, извиваясь кольцами, кобра и зашептала нежно:

– Возлюбленный мой, зачем же ты скитаешься тут во мраке? Зачем же не лежишь спокойно в прекрасном саркофаге? Ведь я тебя так крепко поцеловала. Чего же еще тебе необходимо для вечного покоя?

– Просто я жизнь еще не всю закончил.

– А следует ли цепляться за жалкое существование? Небытие спокойно и блаженно, а все, что кроме, может быть омерзительно и ужасно. Взгляни-ка.

Из мрака к вестнику поползла мерзкая нечисть с мохнатыми лапами, маленькими горящими глазками, ядовитыми клыками и липкой паутиной – вселенская жадная мерзость.

– Откуда столько гадости в этом запредельном мире? – возмутился вестник.

Огромная кобра приблизила голову прямо к носу собеседника:

– Сам же говорил, что в основе мироздания самопожирание, а хорошее – начало лишь отсчета для плохого, а оно, последнее, предела не имеет.

– Такая основа мироздания меня возмущает. Почему бы не положить в его основу что-нибудь другое.

– Ш-ш-ш. – ответила змея, а следом за ней зашипела и мерзостная нечисть.

– Все, мне надоела нечисть, и я читаю священное заклинание:

– Белый лотос с запахом солнца,

– Чистый лотос, украшающий волосы Хатхор,

– Чистый лотос, покрывающий поля Ра

– Я человек, знающий твое имя.

– Твое имя звучит как Нефертум.

(текст заклинания подлинный)

Нечисть исчезла в клубящейся темноте, осталась только танцующая кобра, а тьма вокруг начала сбиваться в какие-то фрагменты.

– Может, назовешь ты и мое имя? – заинтересовалась извивающаяся змея.

– Ты Ная Гая.

– Не-е-т. – прошипела кобра. – Это имя из верхнего мира. Здесь же зовут меня совсем иначе.

– Я узнал твой голос, богиня чистых вод. Ты дочь бога мертвых – Инпу и ты со мной недавно говорила, а имя твое – Кебхут.

На змею вдруг напали страшные корчи. Она колотила хвостом, свивалась в плотные кольца, завязывалась узлами.

– Что с тобой, дочь Инпу? – встревожился вестник.

– Не мешай! – огрызнулась, корчась, змеюка.

Змеища раскрыла пасть, по телу ее прошли судороги, особенно в области шеи. Похоже, божественную гадину тошнило, и она готовилась срыгнуть проглоченную ранее добычу. Челюсти раскрылись до положения развернутого угла, и вестник заметил, что из змеиной глотки на него кто-то смотрит. Вестник, тоже молча, смотрел на существо в змеиной утробе.

А что еще оставалось делать? Не говорить же – здрасьте!

Но все получилось не совсем так, как ожидалось. Кожа на змеиной голове треснула, и кобра начала выползать из собственной шкуры. Однако вылезала из змеиной кожи совсем не змея. Из пасти показалась женская головка и перед вестником теперь извивалась змея с девичьим ликом.

– Ну, ты, новопреставленный, что смотришь?! – капризно произнесла красавица-змея. – Помоги же девушке разоблачиться.

Вестник кинулся помогать, змее-девице перелинять. Вот показались плечи, которыми красавица усиленно и очень соблазнительно двигала, освобождаясь от шкуры. Вытащив руки, она стянула остатки шкуры и предстала во всей красе.

Это была та же змея, но в женском образе. Тело ее покрывала чешуйчатая кожа, но, по всей видимости, это было просто одеяние, ибо левое плечо и рука девушки были обнажены и представляли собой обычное девичье плечо и руку очень изящное и длинное.

Девушка, выпрямившись во весь рост, весьма немалый, осмотрела себя, огладила длинное, тонкое, стройное и извивистое тело руками.

Затем, со змеиной скоростью, скользнула к вестнику и, нависнув над ним, внимательно осмотрела. Лицо у нее было очень узкое, челюсти чуть выдвинуты вперед, глаза раскосые, волосы, зачесанные назад и заплетенные в мелкие косички, шевелились за спиной подобно клубку змей.

– Нннууу, каааак? Нннравлююуюсссс я тебе в таком обличччччье? – прошипела девушка – змея.

– Чрезвычайно. Божественная красота! И никак иначе.

Девушка восторженно взвизгнула и закинула руки и человеческую и змеиную на плечи вестнику, приблизила вплотную свое лицо и даже потерлась носом о нос вестника.

Увы! Глаза красавицы остались змеиными – то есть с вертикальными щелками зрачков и пикантного желтого цвета.

– Тогда я буду твоей возлюбленной. – радостно сообщила девушка-змея.

– А как к этому отнесется твой папа Инпу?

– О, разозлится чрезвычайно. Идем я тебя ему представлю. Он здесь, мой папа, самый главный и всех умерших судит. Тебе как раз-то и к нему,

– А разве не Осирис...

– Нет! – топнула ножкой змея-девица. – Мой отец могущественней. Он владыка загробного мира!

– Но прекрасная Кебхут, я вообще-то еще не умер.

Кебхут слегка отстранилась и внимательно уставилась змеиными глазами на вестника.

– Не умер? – протянула она приближая голову. – Да, я чувствую тепло живое. Живой! Зачем же ты явился в царство мертвых? Знаешь, чем это тебе грозит?

– Мне надо кой кого найти и забрать ее... его с собою.

Змея опять уставилась на пришельца и смотрела долго, затем взяла его за руку и сказала:

– Я не спрашиваю что тебе здесь надо. Я спрашиваю, знаешь ли ты чем тебе это грозит?

– Что же мне может грозить, если все самое жуткое уже свершилось?

- Ты, наш дурачек, попал в царство мертвых живым.
- И что с того?
- Здесь, доселе не было живых ни разу и ты представляешь очень большой интерес, для богинь бессмертных.
- В каком это смысле?
- В том самом.
- Это как?
- Да как ты такой тупой смог сюда проникнуть? Как смертный мужчина!
- Ох, ты! А вам, что богов не хватает?
- Хватает, но это разные вещи.
- И тогда я заберу это существо?
- Значит, забрать его, хм, ее обратно! Обратно из загробного мира. Ну и нахал же ты, дружок мой, покойный. С чего ты взял, что сам отсюда выйдешь?
- Прости, змея-богиня, но привело сюда меня отнюдь не нахальство, а совсем другое чувство.
- О-о-о?
- Ищу я одного человека.
- Всего лишь?
- Прекрасную и юную девушку.
- А-а-а. – прошипела Кебхут. – Это любовь. Это такая большая редкость в мире и это очень романтично – явиться в преисподнюю за любимой. Давно ли твоя любимая в Дуате?
- Много тысяч лет, но мы еще вчера друг друга в объятиях держали.
- Чего же ты от меня иметь желаешь?
- Ты к ней меня проводишь.
- Не-е-ет. Сам будешь искать, но покажу дорогу. Идем.
- Змея – девица взяла вестника за руку, и они пошли навстречу глубинам преисподней.
- Клубящаяся тьма, прикидывавшаяся первичным мраком, рассеялась и теперь двое – человек и змея-богиня, шли рука об руку по гигантскому помещению, среди огромных колонн, уходящих ввысь.
- Разве могут быть в мире мертвых какие-либо сооружения? – спросил вестник, задрав вверх голову и оглядывая вершины колонн, скрывающихся в темноте. – Разве может быть в Дуате что-либо из мира живых?
- Кебхут глянула на спутника змеиным взглядом.
- Это не Дуат. Это преддверье.
- Но откуда сооружения на том, потустороннем, свете?
- Скоро ты поймешь и это. Здесь может быть все, что есть и в верхнем мире. Здесь может быть все, чего в нем быть не может. Поэтому следи по-лучше за своею мыслью.
- Последнее предупреждение поспело очень кстати, ибо за колоннами имели место явные движения и всяческие перемещения, а так же звуки в виде подвизгивания, зловещего бормотанья и злобного хихиканья.
- Ну что ты вертишься все беспрестанно? – спросила отвратительно-прекрасная Кебхут.
- Там – шепотом сказал вестник, указывая на титанические колонны, вырисовывавшиеся во мраке. – Там что-то есть.
- А ты смотри не по сторонам, а смотри на прекрасную богиню, что ведет тебя по закоулкам преисподней. Разве не великолепно мое тело, тонкое и гибкое и стройное? Ты видишь, что я не иду, а скольжу, как в зарослях змейка, что я плыву, как в воде рыбка. Если бы ты знал, кто у меня таким движениям изящным обучался! А посмотри, какая у меня кожа – блестящая, прохладная, сухая. А взгляни в глаза. Не правда ль взгляд их останавливает сердце?

Богиня чистых вод несколько расшалилась. Она заглядывала в глаза вестнику, действительно заволакивая жутковатым немигающим взглядом, она прикинула всем телом, упругим как пружина, руки ее скользили по телу, словно две змеи, обхватывая плотным кольцом то талию, то шею, то сплетаясь с его руками.

Иногда она выбегала вперед и, держа спутника за обе руки, шла лицом к нему, а спиной вперед, не беспокоясь о возможных препятствиях на пути. Уста ее смеялись, но глаза все же оставались неподвижно-змеиными. Тем не менее, посторонние движения и звуки совершенно перестали занимать вестника. Он действительно не мог оторвать взгляда от извивающейся перед ним и вокруг него великовозрастной богини.

Так они и дошли до первых врат. Врата уходили куда-то в поднебесье, а перед вратами их ожидали те самые, наглоющие павианы. Увидев вестника, они заверещали, зафыркали и принялись скакать, скаля зубы.

– Неужели врата в преисподнюю и выглядят как врата. – удивился вестник. – Почему все так примитивно – ведь потусторонние врата всего лишь аллегория.

– Не спеш-ш-ш-и-и. – протянула Кебхут. – Я же сказала – все поймешь чуть позже. Или ты считаешь, что Дуат постигнешь, даже его не коснувшись? Тогда здесь нечего тебе делать.

– Хорошо. Я жажду эту истину постигнуть. Давай врата откроем.

Кебхут остановилась перед прыгающими павианами, и они быстро присмирели и теперь внимательно смотрели на змею-богиню.

– Обезьяны! – обратилась к ним Кебхут. – Выдвигайте засов павиана. Открывайте дверь в нижнее небо.

Павианы налегли на громадный засов, и он медленно двинулся вдоль врат.

– Как твое имя? – вполголоса спросила Кебхут.

– Вестник.

Богиня удивленно посмотрела на своего спутника и покачала головой.

– Ну, как знаешь. – так же вполголоса произнесла она и далее продолжила уже громко и торжественно.

- Вестник открыл дверь неба.
- Открыл на огненном жаре.
- Под тем, что черпают боги.
- То, через что Гор уходит.
- Вестник уходит оттуда.
- Уходит из огненного жара.
- Под тем, что черпают боги.
- Для вестника путь делают боги.
- Чтобы мог он пройти по нему.

(текст заклинания подлинный)

Громадные врата, теряющиеся в темной высоте, тяжело распахнулись. Кебхут повернулась к вестнику.

– Лишь теперь ты в истинном царстве мертвых, а до этого был ты между мертвыми и живыми. Иди же – вечность у тебя под ногами, но помни – у тебя лишь двенадцать часов с того момента как барка Ра всплывет в нижний мир. Ты должен его покинуть, когда Ра войдет в Ахет.

Вестник шагнул вперед и бездна Дуата распахнулась у его ног. Колоссальная бездна мира мертвых колыхалась перед ним чернотой ночи, но, как и ночь, она не была сплошным мраком. Она походила на ночное звездное небо, но не в выси небесной, а прямо перед ним, у самых ног и уходила вперед в бесконечность, упруго выгибаясь бездонной чашей. Бездну пересе-

кала голубовато-зеленая полоса, окутанная словно туманом, хрустальной дымки, уходящая в безмерные глубины Дуата. Кое-где во тьме намечалось сияние, рассыпающееся на отдельные искорки. На грани восприятия расстояний что-то отсвечивало багровым, рвались вверх огненные фонтаны, но об их размерах судить было трудно, ибо даже расстояние до них определить невозможно. Да и было ли здесь то, что привычно считать расстоянием? А было ли здесь время? А если-да! – то в какой именно форме?

– Что это? – прошептал вестник.

Змея-богиня доверчиво прильнула к нему.

– Ты разве не узнал его? Ты же смотрел на это многие годы, а теперь, когда подошел вплотную, узнать не можешь? Эх ты... человек.

– Не может быть!

– Конечно же, не может! Ты же мечтал о невозможном, например, о том, чтобы летать в хрустальной бесконечной глубине бесплотным и бессмертным духом, мечтал скинуть убогую оболочку тела, ибо она мешает достигнуть иных неизведанных миров.

– Так это небо?!

– Это богов обитель.

– А где же души смертных?

– Здесь. Где ж им быть еще. Но не отвлекайся на пустые вопросы.

– Хм. Очутиться в преисподней и не задать ни одного вопроса? По-моему ни одного пустого тут не будет.

– Все будет проявляться постепенно. А сейчас смотри.

Кебхут повернула его назад и, вытянув руку (ту, что человеческого вида, змеиная рука постоянно обвивала и тискала вестника), указала на нечто огромное, черное, тяжело нависающее над ними. Вестник увидел во тьме Дуата более темную массу неправильной конусовидной формы. Скала или гора, определить точнее было трудно ввиду отсутствия ориентиров.

– Рог Заката. – тихо произнесла Кебхут. – Из-за него выплывет золотая барка Ра и с этого момента, как покажется она в Дуате, тебе останется на все про все именно двенадцать часов ночных. Ну, если конечно не желаешь остаться тут навечно, чего тебе отнюдь я не желаю.

– Почему же? Все всё равно сюда приходят.

– Ввиду отсутствия у тебя имени-Рен как такового.

– То есть...?

– То есть в Дуате тебя ждет вечное страдание, если ты имени своего не знаешь. Но, довольно рассуждений, видишь, края Рога уже видны довольно четко и за ними, даже, намечается сияние – это там, в верхнем мире его освещают лучи Ра. Идем.

– Я как-то плохо представляю, как здесь ходить.

– Утю-тю-тюсеньки! – засвистела извилистая богиня, нежно вытянула губки. – Мне моего малышика учить переставлять ножонки? Кто тут явился спасти заблудшую душу девицы?

– Ты, конечно же, права, прекрасная змея-богиня.

Вестник шагнул вперед, и тьма подалась ему навстречу.

– Пстой. – хихикнула богиня. – Ногами много не находишь. Давай возьмем ладью для плаванья по небесному Хапи.

– Мне ладью построить?

– Вот беда! Да что ж ты такой глупый! Твоя возлюбленная нежно приготовила тебе ладью для путешествий по реке Дуата. Она в твоей гробнице.

Кебхут тихо свистнула.

– Обезьяны. Несите нам сюда ладью для загробного путешествия.

Из все еще распахнутых врат первого часа чинно вышли павианы, несущие ладью. Кебхут тут же забралась внутрь, уютно устроилась на самом носу и указала вестнику.

– А ты бери на плечи нос судна и неси к реке меня с ладьей вместе. Поухаживай-ка, наконец, за подземной богиней. А то, я вижу, ты совсем решил, что раз я богиня, то и внимания мне уделять не стоит. А вот и нет! Богини-то как раз очень и обидчивы. Так что придется ублажать меня. И желательно со всех сторон.

Вестник послушно взвалил нос ладьи на плечи и направился в глубины Дуата, Кебхут тут же обхватила его руками за шею и, свешиваясь с борта, заглядывала в лицо то с одной стороны, то с другой, щекоча тело жесткими косичками волос. И эта щекотка навела вестника на кое-какие мысли. А антропоморфное воплощение хтонического божества, тем временем болтало ему на оба уха поочередно.

– Вообще-то ты все должен делать сам, но так и быть обезьяны тебе помогут. Поможете ведь, обезьяны?

Павианы оживленно переглядывались, подвизгивали и согласно кивали головами.

– А мне нравится, как ты все воспринимаешь. Попал, знаешь ли, на тот свет, а не очень-то и растерялся.

– Честно сказать, так я был в ужасе. В ужасном. Но мне вот что сейчас непонятно.

– Ну, спрашивай пока идем.

– Где же Сиа? Где «Госпожа ладьи»? Где Ху – божественное слово и где Рога Разделяющие Долину?

– Х-х-ха-х-х-ха! – змеиным шипением засмеялась богиня. – Смотри, какие умные мы стали! Эти перечисленные персонажи встречают золотую барку Ра. А тебя, такого ценного персонажа, должно безумно радовать, что я тебя сопровождаю. Что же касается Рогов Долины, то береги свой лоб, ибо ты им сейчас в этот Рог-то и упрешься.

Действительно, вестнику пришлось шарахнуться в сторону, и мимо проплыл столб, увенчанный рогами, раскинувшимися на полнеба.

– Все понять никак не можешь, что здесь все иначе, а ты по привычке действовать пытаешься своим телом и хочешь смотреть, как в мире верхнем – то есть видеть то, что тебе покажут. Здесь все иначе. Смотреть надо не глазами. То есть смотреть-то можешь и глазами, если не привык иначе, а видеть надо сознанием и мыслью. И действовать в том же направлении. А то ведь так и не увидишь ничего взамен мрака.

Змея заглянула в глаза.

– Чем это тебе мил так мрак и небытие? Неужто, веселей уж ничего придумать невозможно?

Под ногами процессии заскрипел песок. Река, мерцающая ртутью в темноте, приближалась и на ее фоне уже различались прибрежные заросли, словно кто-то рисовал картину неспешными и вдумчивыми мазками. Не доходя до водного потока, павианы неожиданно опустили ладью на землю и, взвизгивая, помчались обратно. Доскакав до далеких уже врат, они обернулись, попрыгали, вереща, на месте, и юркнули в ворота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.